

Владимир Саморядов
Замороженный лес

Фантастический роман



Владимир Саморядов

Замороженный лес.
Фантастический роман

«Издательские решения»

Саморядов В.

Замороженный лес. Фантастический роман / В. Саморядов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749007-2

Эти события произошли в самом начале двадцать первого века, когда компания учащихся старших классов и небольшая шайка бандитов случайно попали в загадочное место, именуемое Замороженный лес. В этот Лес легко попасть, но очень трудно из него выйти, и населяют его странные существа и странные люди: злые и не очень, умные и глупые. Множество приключений испытали главные герои, прежде чем смогли выбраться из этого заколдованного места.

ISBN 978-5-44-749007-2

© Саморядов В.
© Издательские решения

Содержание

Наташа Туголобая	6
Пикник и обочина	14
Елки-волки и прочие чудеса	22
Гитара как ударный инструмент	34
Дом для поросенка должен быть крепостью	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Замороженный лес Фантастический роман

Владимир Саморядов

© Владимир Саморядов, 2024

ISBN 978-5-4474-9007-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наташа Туголобая

*«Дочурка под кроватью ставит кошке клизму
В наплыве счастья полукривяши рот.
И кошка, мрачному предавшись пессимизму,
Трагичным голосом взволнованно орет.»*

Саша Черный

Утром первого мая две тысячи первого года в задрипанном городишке Чумске, который медленно и скучно перетирал века в российской глубинке, случилось экстраординарное событие.

- Шу-шу-шу, – судачили взволнованные соседки.
- Вы слышали?
- Слышали.
- Да как же это?
- Вот ж блин!
- У Катьки Морячкиной дочка Наташка пропала.
- Как пропала?
- Обыкновенно, как все дети пропадают – ушла погулять и не вернулась.
- Надо же! Такого уже, почитай, лет десять не было.

Перед двором виновницы события, с перекосившимся и давно не крашеным забором, собралась большая толпа: кто неискренне сочувствовал, кто откровенно радовался. Мама исчезнувшей девочки билась в истерике на руках двух наиболее верных приятельниц, мотала из стороны в сторону обвисшей головой, разбрызгивая слезы.

– Наташа, доченька, кровинушка! – голосила женщина, – Куда же ты сиротинушка подеваласи-и-и?!

Приехал участковый, изобразил на лице сосредоточенное сострадание, спросил, кто пропал, а узнав, испытал двойственные чувства: и радость и озабоченность одновременно. Наташу Морячкину он знал. Да кто в городе Чумске не знал эту необычную девочку!

Девятилетняя Наташа носила многозначачее прозвище Наташа Туголобая. Родилась она девятнадцатого августа девяносто первого года, когда приснопамятный ГКЧП объявил о свержении Михаила Горбачева. Наташина мама тогда очень-преочень радовалась, прыгала по комнате («Сняли козла, который водку пить запретил!») и упала, ударившись животом о порог двери, после чего произвела на свет дочку Наташу. Такое ударное рождение странным образом сказалось на судьбе ребенка, которого стали постоянно преследовать всевозможные события и несчастья, да и сама она доставляла своим родным, близким и соседям много запоминающихся минут.

Как, по-вашему, должен реагировать нормальный среднестатистический ребенок на торчащую из стены электрическую розетку? Правильно, попытаться сунуть туда два пальца, а если пальцы не влезают, то два гвоздя. Наташа же вставляла в розетку два провода, причем другим концом подключала к железной кровати, на которой в этот момент спал старенький, ничего не подозревающий дедушка. Дедушка, естественно, тут же начинал трепетать, прыгать, дергать руками, ногами и головой, пускать слюни, а остроумная Наташа весело танцевала поблизости, считая, видимо, что такие пляски забавляют дедушку.

Иногда Наташа просто свешивала провода на пол, дожидаясь, когда моющая полы бабушка, заденет их мокрой тряпкой. В этих случаях бабушка не прыгала, а просто валилась на пол, сраженная электрическим разрядом.

Еще Наташа очень любила кошек, вернее, обожала, побрызгав бензинчиком, их поджигать. Тогда охваченные пламенем зверьки очень красиво светились и орали. Такие горящие кометы пробуждали в девочке мечты о космических пространствах.



Стоит ли говорить, что исчезновение столь уникального ребенка соседней не слишком опечалило. Радовался даже дед, у которого после нескольких сеансов электротерапии была парализована половина тела. Бабушка, хотя и ослепла на один глаз, все-таки грустила и пускала скупые слезы. Но мама орала в голос, проклиная своего бывшего мужа, почему-то обвиненного в этом похищении. Хотя было весьма сомнительно, чтобы этот здравомыслящий человек вдруг решился бы забрать на воспитание этого, пусть и родного, монстра.

Участковый без всякого оптимизма опросил свидетелей, сделал какие-то записи в своем блокноте, сказал Наташиной маме несколько утешительных слов, но в уме твердо решил, что если начальство не потребует, искать девочку не будет. Полгода назад Наташа спалила любимую кошку его жены.

– Почему вы решили, что ее похитили? – спросил участковый Наташину маму. – Сегодня Первое мая, хороший политический праздник. Может, она на демонстрацию пошла.

– Вот-вот, – встряла в разговор одна из соседок, – именно на демонстрацию. Теперь под трибуной сидит, бомбу закладывает, чтобы начальников взорвать.

Услышав эту ремарку, участковый заметно побледнел.

– Да что ты говоришь такое! – возмутилась Наташина мама. – Она у меня добрая, близких любит!

– Бе-бе-бе! – забормотал Наташин дедушка и задергал здоровой, не парализованной половиной тела.

– Вот-вот, – согласилась со стариком соседка. – Любит, говоришь? Твоего отца на тот свет из любви чуть не отправила?

– Она хорошая!

– Ничего себе хорошая. Моего кота бензином облила и спалила.

– Люди добрые, – исторгла из себя Наташина мама, – так не мово дитя сейчас судють.

Вы лучше скажите, видел ли ее кто?

– Да под трибуной она сидит, бомбу закладывает...

– Или милицейскую опорку спалить собирается, – вставила еще одна соседка.

Участковый побледнел еще сильнее.

– Хорошо, хорошо, – сказал он быстро, – найдем.

И спешно укатил на своей машине. Предположения соседок его сильно напугали. Дети в стране периодически исчезают, причем обычно отправляясь странствовать, поддавшись необъяснимому зову сердца и стремлению к свободе, но если сгорит опорный пункт, или районные «шишки» дружно взметнутся в небо под действие магической силы тринитротолуола... – за такое происшествие начальство по головке не погладит.

Наташина мама проводила удаляющуюся машину полубезумным взглядом и продолжила истерические стенания. Соседки же громко судачили, надеясь, что успевшая всем надоесть девочка не скоро вернется в отчий дом.

А ведь Наташу Туголобую похитили, и сделали это гнусное дело трое пассажиров «крутого и навороченного» джипа, на которых обычно любят кататься новые хозяева жизни. Этот джип крутился на улицах Чумска уже неделю, привлекая к себе внимание взрослых обывателей и приводя в восторг мальчишек. Брутальные обводы, ребристые колеса, «кенгурятник», на крыше обязательная для начальников и бандитов мигалка.

Пассажиры джипа, двое мужчин и одна женщина, все это время кого-то очень внимательно искали, сравнивая с имеющейся у них фотографией проходящие мимо окон оригиналы.

Этим праздничным утром джип снова появился на улицах, проехал туда-сюда и остановился. Пассажиры машины высунулись в окна, провожая пристальным взглядом спешащих на праздничный митинг горожан.

– Не она, – ворчал сидевший за рулем здоровенный мужлан, крепкий, накачанный, коротко стриженный, с блеклыми голубоватыми глазами, в которых светилось сытое и тупое самодовольство, и нижней челюстью, «просящей кирпича». Такими обычно изображают бандитов в дешевых милицейских сериалах.

– Да, не она, – согласился второй, тонкогубый, тонконосый, с пучком собранных на затылке длинных волос и холодным, презирающим весь мир взглядом. – Слушай, Шишимора, с чего ты взяла, что этот детеныш именно в этом городишке живет?

– Колдунья сказала, – ответила Шишимора, женщина неопределенного возраста, покрытая толстым слоем косметического грима, с короткой модной прической, сидевшая на заднем сидении.

– Колдунья. Не верю я этим колдуньям. Меня в детстве одна все лечила от заикания...

– И что? – живо поинтересовался водитель.

– А то. Заикание прошло, только энурезом заболел.

Шишимора весело фыркнула в кулак.

– Тебе смешно, – осуждающе сказал длинноволосый, – а у меня эта дрянь только к пятнадцати годам прошла.

– Треплешься, Мормон, – усмехнулся водитель. – Тебя слушаешь, так ты и на Луну летал, и марсиане тебя похищали.

– Похищали! – встрепенулся Мормон. – Такие маленькие зеленые человечки.

– В прошлый раз ты говорил, что это красные великаны были с тремя глазами, – напомнила Шишимора.

– Когда?!

– Да в прошлый раз. Подтверди, Бугай.

– Точно, – согласился водитель.

– Эх, не понимаете вы глубин жизни, – провозгласил Мормон и сладко потянулся. – Тайны, загадки они же влекут.

– Тогда чего наркотой промышляешь? – спросила Шишимора – Вот и ловил бы свои летающие тарелки.

Мимо машины прошли три маленькие девочки с бантиками и воздушными шарами, обряженные в белые сорочки и черные юбки.

– Она? – встрепенулся Мормон, хватая фотографию.

– Не она, – ответил Бугай.

– Я не пойму, зачем нам девочка нужна? – спросил Мормон, когда девчужки прошли мимо.

– Не всякая девочка, а именно эта, – напомнила Шишимора, показывая на фотографию в руках Мормона. – На нее нам колдунья указала. Эта девочка – экстрасенс, каких еще свет не видывал, и она должна нам указать дорогу к Цветку.

– Как ты ее узнаешь по этой фотографии? – скептически спросил Мормон. – Фотография семилетней давности. Здесь ей два года. Ты знаешь, как меняются дети за этот срок?

– Да уж, – согласился Бугай. – Я, когда своих после отсидки увидел, вообще не узнал.

– И много их у тебя? – спросила Шишимора.

– В каждом городе по одному, – вставил за Бугая Мормон.

– Ну, не в каждом городе... – неуверенно начал Бугай. – Думаешь, я их всех знаю?

– Точно Бугай, – развеселился Мормон, – бык производитель.

– И чего это сегодня на улицах народу столько? – задумчиво пробормотал Бугай, не обращая ни к кому конкретному.

– Первое мая сегодня, – напомнил Мормон, – всемирный день солидарности трудящихся.

– Ну и что? – тупо спросил Бугай. – Первомай раньше праздновали, в советские времена, а сейчас свобода, рынок и демократия, Первомай праздновать не обязательно.

– В этом городке время остановилось, и Первомай по-прежнему обязательный праздник. Городские начальники грозятся всем неявившимся электричество поотключать.

– Одичали они здесь совсем, – заключил Бугай. – Тупая страна – Россия, дикая, на алкоголиках и нищих стоит.

– Зато такие люди, как мы, могут здесь чувствовать себя вольготно, – напомнил Мормон. – Жить в свое удовольствие и дебилами помывать...

– Тише! – насторожился Бугай.

– Ты чего?

– Шипит! – воскликнул Бугай и выскочил из машины.

Шипело колесо, вернее, воздух, вырывающийся из пробитого колеса. Дырка в колесе стоящей машины сама по себе возникнуть не может, для этого посторонние силы нужны, и эти посторонние силы Бугай обнаружил с другой стороны машины, у следующего колеса. Малень-

кая растрепанная девочка в грязном, дырявом платице, похожая на страдающего бешенством дикобраза-альбиноса, с огромным воодушевлением ковыряла перочинным ножом протектор автомобиля.

– Ты чего делаешь! – взвыл бугаем Бугай, подбежал к девочке и схватил ее за шкуру.

– Да пошел! – свирепо ответила девочка, норовя пырнуть Бугая своим ножиком.

– Что случилось? – спросила Шишимора, выбираясь из машины.

– Эта маленькая стерва колесо продырявила и второе собиралась!

– Да пошел! – ответила маленькая стерва, размахивая ножом.

– Да отпусти ее, – предложила Шишимора. – Что с ребенка взять.

– Ай! – вякнул Бугай. – Она еще и кусается!

– Подожди, не отпускай! – остановил Мормон, доставая фотографию. – Она!

– Ты уверен? – недовольно спросил Бугай, держа девочку на вытянутой руке, чтобы не быть травмированным ее острым ножиком.

– Да пошел! – продолжала настаивать девочка.

– Ты другие слова знаешь? – спросил ее Мормон.

– Козел! – ответила девочка.

– Знает, – удивился Мормон. – На редкость эрудированный ребенок. Это она, точно вам говорю. Волосы белые, глаза голубые, родинка на носу. Она! У меня глаз-алмаз.

– Ну смотри, Мормон, – предупредил товарища Бугай, – ошибешься, сам дорогу искать будешь.

– А что, я согласен, – беспечно объявил Мормон. – У меня в роду все экстрасенсами были. Я тоже немного телепат.

– Да уж, – пробурчал Бугай. – Языком ты телепаешь. Шишимора, неси хлороформ.

Женщина достала с сиденья пластиковую бутылку и тряпку, обильно смочила тряпку жидкостью из бутылки и, скривив лицо, передала тряпку Мормону. Тряпку прижали к лицу девочки. Девочка издала сдавленный и протестующий вопль, немного подергалась, но вскоре обмякла, обронила свой нож и затихла.

– В тайник ее, быстро! – приказал Бугай, швыряя девочку Шишиморе.

Мормон опасливо оглядывался по сторонам и, сморщившись, потирал прикушенный девочкой палец. Свидетели похищения поблизости не наблюдались. Где-то в стороне центральной площади громко бухала патриотическая музыка, словно за прошедшие десять лет ничего не изменилось, не пронеслись над страной ветры перемен, разбившие в пух и прах прежние идеологические установки.

Под задним сидением автомобиля находился заранее подготовленный тайник. Мормон поднял сиденье, а Шишимора засунула туда усыпленную девочку.

– Меняем колесо, и поехали, – отрывисто распорядился Бугай.

Мужчины достали из необъятного багажника домкрат и запасное колесо и быстро заменили пробитое. Шишимора села на заднее сиденье, Бугай за руль, а Мормон рядом с Бугаем.

– Валим отсюда, – сказал он, все еще озираясь по сторонам.

Джип медленно двинулся вперед.

Городок Чумск, по которому ехали на автомобиле похитители Наташи, представлял собой удручающую провинцию. Его и городом-то называли из жалости, когда жители деревни Чумовой послали в Петроград письмо к Ленину с горькими жалобами на нелегкое и голодное житье и с просьбой о помощи. Помощь партии большевиков выразилась в переименовании деревни в город – «авось, городская жизнь слаще покажется». Однако подобное изменение имиджа нисколько не сказалось на затрапезной жизни жителей деревни и их исключительной тяге к алкоголю. Знаменитая «Чума», производимая на местном водочном заводе, была способна свалить с ног даже каменного египетского сфинкса. Похитителям попалось на дороге изрядное количество «очумевших» мужиков. Некоторые еще держались на ногах и брели куда-

то, поддерживая друг друга. Другие уже лежали в обширных лужах, приводя в восторг плавающих здесь же уток.

Дорога, как можно было уже догадаться, представляла собой «путь из варяг в греки», по которому нужно было передвигаться, где вплавь, где волоком. Там, где отсутствовали лужи, присутствовала обильная грязь, похожая на расплавленный шоколад.

Хотя прозванный внедорожником джип ехал всего лишь по русской дороге, его мотор ревел и хрипел в отчаянной натуге. Что бы, интересно, случилось, если б машина съехала с дороги и помчалась по настоящему бездорожью? К тому же нужно было постоянно следить, чтобы ненароком не задавить утку или пьяного.

Бугай сдавленно матерился, когда какой-нибудь наиболее раскованный алкаш бросался под колеса. Мормон пытался выглядеть невозмутимым, но это получалось у него не очень – на его переносице выступили тревожные бисеринки пота. Шишимора не переставая дымила сигаретами. Под сиденьем автомобиля лежала усыпленная девочка, и любой захудалый мент мог при досмотре ее обнаружить.

Потом, когда они все-таки выбрались на асфальт, машина уперлась в праздничную демонстрацию, шествующую по улице с красными влагами и транспарантами типа: «Всю власть Советам!», «Чубайса на электрический стул!», «Ленин, Сталин, Анпилов». Жители Чумска не были особенно политизированными и привыкли обсуждать политические неурядицы в узком кругу за стаканчиком водочки, но, как правильно заметил Мормон, за неявку на мероприятие власти грозились отключить электричество и газ. Громко играла музыка, в основном старые патриотические или пионерские песни, иногда почему-то перебиваемые блеклым голосом Кристины Орбакайте.

– Черт, устроили маевку! – ругнулся Бугай. – На дворе двадцать первый век, а эти в Первомай играют.

– А мне нравится, – мечтательно заметила Шишимора. – В детстве я очень любила первомайскую демонстрацию: шарики, красные флаги, мороженое по двадцать копеек, и все остальное.

– Это в тебе детстве ностальгирует, – объявил Мормон. – Попади ты сейчас в то время, ты бы и дня прожить не смогла. Представляешь, вызывают тебе на комсомольское собрание и начинают допытываться, как протекает твоя половая жизнь. Что ты на это скажешь?

– Ой! – громко сказала Шишимора.

– То-то же, – удовлетворенно заключил Мормон.

– Ой! – повторила Шишимора и подпрыгнула на сиденье.

– Ты чего? – удивленно спросил ее Мормон.

– Ты чего? – спросил Бугай.

– Девочка очнулась, трепыхается.

– Поехали быстрее! – потребовал Мормон.

– Куда поехали? – угрюмо пробурчал Бугай, указывая носом на демонстрацию.

– Ну сверни на другую улицу.

– Застрянем. В этом чертовом Чумске все дороги, что твои каналы. Сядем в лужу, можем обратно уже не выбраться.

– Ох, чтоб тебя! – в очередной раз подпрыгнула Шишимора.

Наконец демонстрация миновала автомобиль. Последними шли две подвыпившие бабки в красных косынках и скандалили друг с дружкой. Одна считала, что вторая является ведьмой, испортившей ее свинью.

– Поехали! – сказал Мормон.

Джип, едва не задавив бабок, рванул вперед.

Центральная улица, хотя совсем недавно была заасфальтирована, по своей структуре напоминала стиральную доску. Автомобиль задрожал. У Мормона отчетливо застучали его

фарфоровые зубы, что вместе со стуком вылетающего гравия вызывало нервное расстройство. А на заднем сидении прыгала Шишимора: ее и автомобиль подбрасывал, и дергающаяся под сидением Наташа.

По сторонам дороги, дрожа и покачиваясь, проплывали городские здания, вначале это были двухэтажные кирпичные параллелепипеды, простые, как вся массовая культура, местами украшенные мозаиками, схематично изображающими подсолнухи и рогатые коровьи головы. Зато возникший позже частный сектор радовал разнообразием форм и молодой зеленью садов.

Иногда дорогу перебежали беспечные куры и кошки, пытались попасть под колеса в необъяснимом стремлении к самоубийству. По счастью Бугай никого не задавил, хотя и имел такие намерения.

– Значит, план такой, – объявил Бугай. – Доезжаем до указанного места... Мормон, возьми карту в бардачке. Вот. Девочка указывает нам тропу...

– Бу-бу-будет-т-т она-на-на тебе-бе-бе ее ука-ка-зывает-ва-вать, – простучал зубами Мормон.

– У нас для этого специальное средство имеется. Та колдунья дала. Смесь из мухоморов. От него девочка в транс впадет и вещать станет. Укажет нам дорогу, мы ее сразу отпустим. Она после ничего помнить не будет.

– Не загнулась бы только, – Мормон с сомнением разглядывал пожелтевшую карту, нарисованную от руки на плотной, помятой бумаге.

– Да карта же столетней давности! – недовольно пробурчал он.

– Не столетней, – возразил Бугай. – Ее один белый офицер сделал, когда в девятнадцатом году от красных в здешних местах прятался. Он это скрытый лес и нашел. Видишь, тропа от старого дольмена начинается. Но только простой человек ее не найдет. Офицер тот тяжело раненным был, поэтому и проник в этот лес.

– Кем он тебе приходится? – спросила Шишимора.

– Какой-то прабабкин хахаль. Его потом все равно расстреляли... Дальше: Шишимора остается в машине, а мы с Мормоном пойдем в этот лес.

– Не нравится мне эта затея, – пробурчал Мормон. – Слишком похожа на авантюру.

– Ты же сам тот порошок видел. Он из корней того растения сделан, которым прабабкин хахаль вылечился. Это же панацея! На карте все указано. Вот – тропа, вот – Белый цветок.

– Наврала тебе прабабка, – решительно заявил Мормон. – Может, и вылечился чем ее хахаль, да только где видано, чтобы в густо населенном районе были какие-то таинственные места. Здешний лес от силы три километра в поперечнике. Может, восемьдесят лет назад оно побольше был, и лекарственные цветы в нем водились, а теперь в нем алкаши водятся, что по праздникам в кустах пикники устраивают.

– А за похищение ребенка нам статья светит, – пугливо напомнила Шишимора.

– Ну, одной статьей больше – одной меньше, – беспечно потянулся Бугай. – Главное, что за порошок из корней Цветка тот американский фармацевт преогромные башки отваливает, в свободно конвертируемых купюрах.

Городская улица уперлась в широкое, многорядное шоссе, явно общегосударственного значения, по которому в больших количествах проносились автомобили.

– Теперь сворачиваем направо, доезжаем до моста и спускаемся к реке, – проговорил Бугай.

Но доехать до моста и свернуть в лес им так и не удалось. Обстоятельства, господа, обстоятельства!

Все в мире на непредвиденных обстоятельствах и держится. Вот, например, едет по рельсам скорый поезд, но до места назначения не доходит – обстоятельства. У всех пассажиров, проводников, машиниста с помощником были свои далеко идущие планы, но свои планы были и у двух дебилов, разобравших рельсы на металлолом. Поезд под откос они пускать не хотели,

но очень хотели выпить. «Мы никому вреда причинять не собирались, – говорили они потом на суде, – ну подняли с земли железку, ну отвинтили гайки, ну напились, так что, за это судить?» Думали ли они, что по этим рельсам должен был пройти поезд? Думали ли они вообще? Кто виноват? Обстоятельства.

Неблагоприятные обстоятельства сложились и у Бугая с Мормоном и Шишиморой. Вначале какой-то прохвост на дорогом спортивном автомобиле подрезал им дорогу, желая обогнать, так что Бугаю пришлось резко затормозить. При этом седевшая на заднем сидении и все время прыгающая Шишимора съехала в межкресельное пространство, и из тайника, как Сатана из жерла вулкана, вырвалась Наташа Туголобая!..

Проезжавшие мимо водители были поражены, когда джип с кенгурятником на крыше вдруг заметался по дороге, сталкивая все остальные автомобили на обочины. В салоне джипа происходила непонятная борьба. Некоторым показалось, что на пассажиров напал вдруг взбесившийся белый бультерьер. Другим же привиделось вообще нечто невообразимое: какое-то чудовище, возможно, даже инопланетного происхождения, терзало людей в салоне. На боковом стекле отчетливо проступили красные капли крови, а из разбившегося заднего окна высунулись две женские ноги в туфлях на высоком каблучке.

Потом кровь залила изнутри и лобовое стекло, а автомобиль, громко взревев, рванул вперед.

Вообще-то это был томатный сок, который запасливая Шишимора приготовила к обеду, но беда была в том, красная жидкость залила стекло и мешала обзору. К тому же Бугая, судорожно вцепившегося в руль, все время толкал Мормон, пытавшийся оторвать Наташу от своей косицы. Шишимора ему помочь не могла, потому что наполовину вывалилась в заднее окно и продолжала вываливаться дальше.

Свирепая девочка, не выпуская волос Мормона, укусила за ухо Бугая. Бугай заскулил и бросил руль.

Джип развернуло на одном месте, занесло, а потом, проломив тросовое ограждение дороги, он ринулся вниз с высокой насыпи. Внизу же был долгожданный лес...

Пикник и обочина

*«Деревья ждут... Гниет вода.
И пьяных больше, чем всегда.»*

Саша Черный.

Трубы духового оркестра гнусаво выли какую-то ересь. Вообще-то у директора чумской музыкальной школы, дирижирующего оркестром, эти звуки называлось музыкой, но на сторонний слух ЭТО больше всего походило на брачные призывы африканских слонов. Что поделывать, оркестр практиковался только на всевозможных похоронах, а у убитых горем родственников усопших любой траурный подвыв не вызывал нареканий. Однако стоявший на трибуне жирнощекый глава районной администрации неприязненно морщился – странный гибрид траурного и бравурного марша его не вдохновлял. Однако все прочие с удовольствием слушали концерт и старались разглядеть в стоящем на ступеньках дворца культуры оркестре знакомые лица.

Несмотря на угрозы со стороны учителей и военкомата, половина школьников на демонстрацию не пришла: осталась дома, уехала к родственникам или отправилась на природу – погода больше всего благоприятствовала этому способу времяпровождения.

Не был исключением и Виктор Рискин по прозвищу Страус, хотя уж ему, примерному ученику и ботанику, пропускать такие полезные мероприятия не рекомендовалось – будут потом смотреть скорбным взглядом, удрученно покачивая головой: «И ты туда же». Другое дело Миша Морячкин по кличке Шнурок, этому что в лоб, что по лбу... После сдачи выпускных экзаменов его должны были замести в армию, и он использовал оставшиеся месяцы, чтобы всласть вкусить взрослой жизни. Мишина подружка Оксана липко прижималась к его боку, томно заглядывая в глаза.

Молодые люди решили воспользоваться выходным днем и теплой погодой, чтобы посетить недалекий лес, устроить себе пикник, и вообще отдохнуть от серого быта.

Долговязый Страус повесил за спину объемистый станковый рюкзак «Ермак», и теперь его мотало из стороны в сторону. Миша же и Оксана шли почти налегке и беззаботно смеялись.

– Страус, а Страус, – прикалывался облаченный турецкий спортивный костюм Миша, – зачем тебе парашют? Ты же по земле с трудом передвигаешься, думаешь, по воздуху легче будет?

– Страус, – вторила ему Оксана, – ты электронный микроскоп с собой случайно не захватил? Мошек и букашек там всяких рассматривать. Скажи-ка, Страус, ты, наверное, с девочками никогда не целовался? Не целовался?

– Целовался, – врал Страус.

– Он с мошками целовался, – со смехом говорил Миша. Но Страус не отвечал, угрюмо думая о чем-то своем.

Поддевая малоразговорчивого Страуса, ребята шли по узким, извилистым улицам Чумска, между домов, хат и давно не крашенных заборов, разгоняя пасущуюся здесь же домашнюю птицу. На одном из перекрестков, возле кустов сирени перед чьим-то забором их поджидали еще двое ребят, облаченный в необычный прикид: широкие камуфляжные штаны, цветастый пуловер и панаму, хип-хопер Шурик, по прозвищу Продиджи, и его подружка, тихоня Юля. Кроме двух больших рюкзаков Шурик и Юля взяли с собой гитару, чтобы пикник в лесу показался более полным.

– Привет, Продиджи, – весело поздоровался Миша. – Ты видишь, какой парашют Страус взял?

– У меня не меньше, – ответил Шурик, взваливая на плечи огромный рюкзак, казавшийся даже больше его самого. – По этой улице не пойдем. Там Клавдия ходит, выпасает тех, кто на митинг не пошел.

Сам Продиджи был росточка маленького, вида невнятного, но языкатым, как вся Государственная дума, и редкостным оригиналом. С пояса его камуфлированных штанов, озадачивая добропорядочных граждан, на манер аксельбанта свисала стальная цепочка, возможно, снятая с бачка унитаза. Вся его тоже камуфлированная панاما была увешана пионерскими, комсомольскими и октябрятскими значками, среди которых уверенно себя чувствовал синий слоган: «ЛДПР». Зато молчаливая Юля, неказистая, неяркая, совсем не пользующая косметикой, была похожа на его невнятную тень.

– Страус, а Страус, – продолжал наседать Миша, – ты какое открытие на этой неделе сделал?

– Какое открытие? – не понял Страус.

– Ну, там нового мотылька открыл или лишний зуб у крысы.

– Зубастого Шнурка! – огрызнулся Страус.

– Ха, Шнурок, – развеселился Продиджи, – ну-ка, открой свою пасть, покажи свои кариесные клыки.

– Отвали! – окрысился Шнурок.

Зубы у него хотя и не были кариесными, но слегка прореженными с одной стороны вследствие дискотечных разборок.

– Да, Шнурок, расскажи, как ты мордой об кулак бил, – не унимался Продиджи. – Об этом весь, Чумск говорит. Зубы-то твои как?

– Хорошо, что тебя там не было, иначе крепенько бы подрихтовали.

– Я по значным местам ночами не шляюсь.

– Ой, Продиджи, – скривился Миша, – отхватишь ты когда-нибудь. Не от меня, успокойся, но от кого-нибудь менее терпеливого.

– Стоп! – напрягся Продиджи. – Клавдия!

Впереди на улице показалась фигура высокой сухопарой женщины в сером плаще. Женщина неуверенно форсировала по камням большую лужу, размахивала руками, стараясь сохранить равновесие, и по сторонам не смотрела. Потом все-таки оступилась и погрузилась одной ногой в грязную воду.

– Так ей и надо, – мстительно обрадовался Продиджи.

Однако, чтобы не быть застигнутыми подмокшей женщиной, являющейся грозным завучем их родной школы, ребята спешно повернули на другую улицу, сделали большой крюк, а уж потом вышли на нужную им дорогу.

Больше никаких опасностей не предвиделось. Ребята расслабились, а Продиджи начал распевать какую-то непристойную песенку на английском языке, не очень мелодично, но достаточно громко, чтобы напугать спешащих на первомайский митинг старушек.

Потом они вышли за город. Все пространство на триста метров от последних домов представляло собой обширную, многоуровневую свалку, встретившую путешественников своим обычным зловонием. На кучах помоев паслись стаи грачей и ворон, которые при появлении ребят дружно взмыли в небо, хрипло и оскорбленно грая.

Оксана демонстративно сморщилась и зажала пальцами нос. Сморщился и Миша Шнурок, но Страус, казалось, ничего этого не замечал, деловито поглядывая на ворон, а Продиджи делано вдохнул полной грудью:

– Кристиан Диор, Шанель номер пять! Что, Шнурок, не нравится? Привыкай. Скоро вся земля так пахнуть будет.

– Это почему?

– Да вот такие шнурки ее загадят, а страусы всю живность препарируют. Верно, Страус?

– Тебя в первую очередь, – угрюмо пробурчал Страус.

Свалка закончилась. Пошли изъеденные бульдозерами и эрозией карьеры, а за ними, чуть внизу проглянули веселенькие очертания леса, светившегося молодой салатовой зеленью. На полянах перед деревьями ярко желтели цветы калужницы и торчали темно-фиолетовые пирамидки мышиного гиацинта.

– Вот она, свобода! – проорал Продиджи в полный голос, пугая Оксану.

– Дурак, – оскорблено заявила она.

– Все мы немного дураки, все мы немного лошади. Вперед, навстречу открытиям! Тебя, Страус, точно открытия ждут. Ты за них получишь Нобелевскую премию, а мы тебе будем дружно завидовать.

К сожалению, молодая зелень леса оказалась на редкость обитаемой, и никаких особенных открытий в ней не предвиделось. Большие компании любителей пикников расположились почти под каждым кустом. Слышались громкая музыка, веселые вопли, треск ломаемого дерева.

Праздничный день и теплая погода выгнали за город большое количество горожан, истосковавшихся по теплу и стремящихся приобщиться к природе. Общение с природой больше всего напоминало творческий порыв вандалов в покоренном Риме. Одни истребляли на дрова разнообразную растительность, как правило зеленую и на дрова не пригодную. Другие разводили костры в дуплах деревьев, пили водку и с гиканьем били об стволы пустые бутылки. Женщины, как изголодавшиеся коровы, выдирали с корнями лютики, гиацинты и только что проклюнувшиеся ландыши. А милые, простодушные детишки, верещащие, как стадо ополоумевших макак, дотапывали и доламывали все, до чего не добрались их родители.

– Вот-так-так, – ошалело пробормотал Продиджи. – Сколько народу. Негде посидеть и отдохнуть цивилизованному человеку.

– А мне нравится, когда много людей, – томно промурлыкала Оксана.



– Много людей приятно где-нибудь на дискотеке или каком-нибудь шумном празднике, а на пикнике людей должно быть немного, и только знакомые. К тому же не забывайте, что мы ночевать в лесу собираемся. Здесь нам такую ночевку устроят, что всю ночь оборону держать придется. Да и Страус свое великое открытие не сделает, а я хочу вместе с ним в историю войти.

– Пойдемте к старой плотине, – предложил Страус.

– Это же далеко, – захныкала Оксана. – Мишенька, зачем нам так далеко идти? Я целоваться хочу, – Оксана вытянула губки для поцелуя и потянулась к Мише, но из ближайших

кустов с громким треском вывалился какой-то пьяный мужик, глупо посмотрел на ребят, разевая и закрывая рот, а потом, ломая растительность, поковылял куда-то по своим делам.

– Сказав мудрость, он удалился, – хмыкнул Продиджи. – Нет, Оксанка, ты можешь и здесь для поцелуев остаться, только как бы у Шнурка конкуренты не появились. Явится такой среди ночи и предложит Шнурку: Подвинься. А потом, глядишь, целая очередь выстроится. До плотины всего километров шесть, за час дойдем.

Юля молча кивнула, соглашаясь с его предложением, а Страус уже давно ушел вперед.

– Ладно, пошли, – Миша обнял Оксану за плечи. Оксана прохныкала что-то неопределенное, но влекомая Шнурком пошла вместе со всеми.

Количество пикникующих не убавлялось. На каждой мало-мальски большой поляне играли в футбол, волейбол и бадминтон, причем не только дети и подростки, но зачастую солидные, пузатые дядьки. При падении на землю их упругие тела издавали гулкой стук, от которого вздрагивала дерновая земля, и взлетали с веток перепуганные птички. Повсеместно трещали дымные костры, словно начался большой лесной пожар. Кое-где веселый и беспечный отдых плавно перерос в драку с тычками и затрещинами, а в одном месте две большие группы явно нетрезвых граждан уже шли стенка на стенку, подбадриваемые остревелым визгом женской половины.

Потом, когда ребята углубились в лес по узенькой, протоптанной дикими свиньями тропке, людей стало попадаться меньше. Затихли крики и громкая музыка, зато стали слышны голоса птиц, на многие лады щебечущих в кронах. Пеночки, зяблики, дрозды, зеленушки радовались теплу и раннему солнышку, радовались предстоящему лету, надеясь на лучшее, наполняли лес своими звонкими трелями. А откуда-то из глубин леса доносились мелодичные напевы робкого соловья.

– Ой! – неожиданно воскликнула Оксана. – Кто это?

В зарослях бересклета шебуршило какое-то большое животное, явно травоядное, но никак не идентифицированное.

– Дикий кабан! – напрягся Шнурок.

– А может, медведь? – тревожно прошептал Продиджи.

– У нас нет медведей, – тихо и спокойно возразил Страус.

– Значит, завелся. Из зоопарка сбежал или из другого леса перебрался.

– Пойдемте отсюда, – настоятельно попросила Оксана.

– Как это, пойдемте? – удивился Страус. – Нужно же посмотреть, кто это.

Страус снял с плеч рюкзак, поставил его на землю и осторожно двинулся к непонятному существу, а существо кроме шуршания стало издавать грозное сопение и пыхтение.

– Он нас учуял! – переполошился Шнурок. – Страус, назад!

– Мальчики, остановите его, – жалобно попросила Оксана.

– Страус, вернись, – громким шепотом потребовал Шнурок, но Страус только отмахнулся. Пригибаясь, он подкрался к пыхтящему и сопящему животному, осторожно раздвинул руками ветки орешника, а потом неожиданно выпрямился, расслабился и жестом поманил к себе друзей. Видя, что Страус не боится, Продиджи, Шнурок и Юля подошли, но пугливая Оксана осталась на тропинке.

– Чего там? – спросил Продиджи.

– Смотри.

Большим и непонятным животным оказалась жирная тетка, которая, стоя на карачках, выдирает из лесной подстилки хлипкие стебельки черемши. Каждую весну некоторая часть обитателей города Чумска отправлялась в лес за этим диким луком. Словно не было в жизни ничего более ценного, словно черемши этой были целые заросли, а не скромные остатки бывшего великолепия. С непонятным азартом и алчностью горожане вырывали из земли последние луковицы и исполненные восторга тащили на базар.

Жирная тетка не была исключением и трудилась с упорством и производительностью хорошего комбайна, наполняя черемшой большую корзину.

– Минуточку, – объявил Продиджи и сделал жест ручкой. – Сейчас вы увидите представление.

Нарочито громко топая и шурша, он подошел к женщине.

– Гражданка, – произнес он внушительным голосом, – потрудитесь принять вертикальное положение.

Тетка невнятно хрюкнула, но вертикальное положение не приняла.

– Экологическая милиция, – представился Продиджи и сунул под нос женщине проездной билет, обернутый в красную корочку. Женщина вторично непонятно хрюкнула. – Вы занимаетесь незаконным промыслом растения, занесенного в Красную книгу, а потому охраняемого законом. Будьте добры, встаньте и пройдемте со мной, а все незаконно собранное вами конфискуется.

Продиджи потянулся за корзиной.

– Не дам! – рывкнула тетушка, вскочила и бросилась к корзине.

– Лук и корзина конфискуются, – повторил Продиджи.

– Не имеешь такого права! – проскрипела тетушка севшим от регулярных склок голосом, и вцепившись трудовыми руками в ручку корзины. – Моя черемша, я ее собирала!

– Это вы не имеете права истреблять редкое растение! – прохрипел Продиджи, стараясь вырвать корзину.

– У нас свободная страна, – настаивала тетушка. – Нам для того свобода и дадена. Что хочу, то и беру, а черемши этой много, на наш век хватит. Отдай корзину!

– Не отдам! – Продиджи даже покраснел от напряжения. Тетка оказалась не робкого десятка, лишеной всякого почтения к властным органам, к тому же была чуть ли не в два раза тяжелее Шурика. – Корзина конфискуется, а вас я арестую. Еще штраф платить будете!

– Ты, что ли, арестуешь, малохольный? Не имеешь такого права. Лес общий, черемша общая!

Чтобы вырвать корзину, Продиджи сделал резкий поворот и рванул в сторону. Жирная тетка упала на землю, выпуская из рук ручку корзины.

– Смываемся! – крикнул Продиджи и вместе с корзиной бросился к рюкзакам. Остальные поспешили следом. На ходу надев рюкзаки, ребята побежали по тропинке в глубь леса, а вопли ограбленной тетки долго неслись из-за деревьев.

– Караул, люди, грабуют! Ограбили! Последнее забрали! – заголосила тетушка.

Пробежав метров сто по извилистой тропочке, ребята остановились. Больше всех запыхалась Оксана, для которой любая физическая деятельность была равно большой катастрофе.

– Дурак ты, Продиджи, – задыхаясь, сказала она. – Нужна была тебе эта корзина?

– Конечно нужна. Во-первых, мы наказали браконьера... браконьершу, во-вторых, лишили ее орудия промысла – пусть теперь боится, в-третьих, добыли себе неплохую закуску к водке и пиву. Ты, Шнурок, водку конечно взял?

– Само собой, – обстоятельно ответил Шнурок. – Какой пикник без водки.

– Сопьешься когда-нибудь, – вполголоса вставил Страус.

– А черемша под водку хорошо идет, – закончил Продиджи.

– Под водку маринованная черемша идет, – напомнил Страус. – А у нас свежесорванная.

– Все равно, очень полезный овощ, богатый витаминами, – настаивал Продиджи. Потом он переложил лук в рюкзаки, свой и Юлин, а корзину выбросил в кусты.

– Люди, караул, обокрали! – донеслось из глубины леса.

– Гляди, как орет! – восхитился Продиджи.

– Валим отсюда побыстрее, – сказал Шнурок.

С ним согласились все. Вскоре вопли ограбленной браконьерши затихли вдали. В лесу воцарилась живая, дышащая тишина, наполненная трелями птиц. Было хорошо и покойно, словно уставшая от суеты душа вдруг соприкоснулась с чем-то вечным и надежным. Стройные колонны ясеней тихо покачивали ветвями, ласково шелестя молодой листвой. Стоял аромат свежей зелени и прошлогоднего опада, смешанные с аппетитным грибным духом.

Спустя час ходьбы, Оксана основательно притомилась и, повиснув на плече Миши Шнурка, принялась стонать:

– Ой, Мишенька, не могу больше, не хочу дальше. Вон, смотри, очень удобная полянка, там травка мягкая, давай расположимся на ней.

Однако на удобной полянке росла молодая и очень злая крапива, и расположиться на ней, как предложила Оксана, представлялось проблематичным.

– Мы же к плотине собирались идти, – напомнил Страус. – Тут немного осталось: под мостом пройти и с полкилометра направо.

– Я не дойду, – продолжала ныть Оксана, – не выдержу.

Эта юная особа всю свою сознательную жизнь передвигалась на папином автомобиле и в автомобилях своих многочисленных друзей, поэтому пеший переход, да еще по лесу был для нее, как переход Суворова через Альпы: труден и наполнен всевозможными опасностями.

– Выдержишь, куда ты денешься, – возразил Продиджи. – Человек – существо уникальное, у него много скрытых резервов. Можешь Страуса спросить.

– Я не хочу никого спрашивать. Я хочу отдохнуть. Я не для того сюда пришла, чтобы по лесу шляться. Я хочу просто посидеть, отдохнуть и поцеловаться с моим Шнурочком.

– Я хочу... – передразнил ее Продиджи. – Я тоже много чего хочу. Хочу на Луну слетать!

– Мост близко, – напомнил Страус.

– Только мост, – сморщилась Оксана. – А до плотины еще топать и топать.

В этом месте над лесом по высокой эстакаде проходило шоссе, потому что сам лес уходил в низину. Места здесь были безлюдными. Многочисленные пруды и старицы, оставшиеся от загнанной в трубы речки, затрудняли подъезд. Здесь было царство водоплавающих птиц, ондатр и водяных полевок. На сухих местах обитали фазаны, куропатки, охотящиеся на них лисицы и акклиматизированные енотовидные собаки. А если передвигаться очень осторожно, не поднимая шума, то можно было наткнуться на трех косуль и четырех кабанов, завезенных охотоведами. Но самое главное, в километре от моста, в густых зарослях ясеней и бересклетов находилось древнее капище таинственного народа. Некоторые говорили, что это непонятное каменное строение: прямоугольный постамент, окруженный украшенными полустертыми рунами двухметровыми столбами, оставили древние киммерийцы, когда шли из Азии в Южную Европу.

– Скоро плотина, – произнес Продиджи. – А что, Страус, к древнему храму ходим?

– Ходим, – коротко ответил Страус. Он всегда был легким на подъем.

– Какой храм? – невнятно спросила уставшая Оксана

– Ты что, там никогда не была? – удивился Продиджи.

– Я тоже не был, – сообщил Миша.

– Ну, друг, многое потерял. Мистическое, я тебе скажу, место. Оттуда веет непонятной энергией. Каменные изваяния, какой-то лабиринт из столбов, жертвенник. На камнях спирали и руны. Похоже, там до сих пор жертвоприношения кто-то совершает – мы сожженные косточки в кучах золы находили. Подтверди, Страус.

Страус молча кивнул.

– Ужас какой! – испугалась Оксана. – Вдруг там сатанисты собираются.

– Все может быть, – спокойно согласился Продиджи.

– Тогда зачем вы меня сюда притащили?!

– Не бойся, жертвоприношения только ночью происходят.

– Но мы же здесь ночевать собираемся!

– Не совсем здесь. На островке возле плотины. Ночью туда никто не сунется – место слишком непроходимое. Мы со Страусом там несколько ночей провели.

– А что это так гудит? – тревожно спросил Оксана.

– Эх ты, голову подними, – развеселился Продиджи. – Это машины по мосту проезжают. А ты кого ожидала?

Вдруг над головами ребят раздался громкий треск и надсадный рев автомобильного двигателя. В этом месте дорожная насыпь, переходящая в мост, достигала высоты двадцати метров; и когда молодые люди подняли головы, они к своему ужасу увидели, что вниз по склону насыпи на предельной скорости несется автомобиль, причем несется прямо на них. Как назло, вокруг росли не очень толстые деревья, не способные задержать это ревущее чудовище.

– Бежим! – заорал обычно невозмутимый Страус.

И все побежали, а обычно галантный Шнурок оттолкнул в сторону цеплявшуюся к нему Оксану. Оксана поскользнулась на мокрой земле, но на ногах удержалась, обогнала Мишу и помчалась впереди всех. Откуда у нее только силы взялись. А что делать? Стоять на пути несущегося автомобиля могут или отчаянные герои или полные кретины, да еще самоубийцы, которым наскучило земное существование.

Автомобиль достиг леса. Тонкие стволы деревьев его не остановили и, создавая за собой просеку, он полетел дальше. Металлический скрежет, деревянный треск звучали за спинами ребят, которым некогда было обернуться назад. Все, надрывая дыхание, бежали сквозь лес, и гибкие ветви больно били по лицам. Оксана пронзительно верещала. Вopil Шнурок. Даже Страус пищал что-то пронзительным голосом циркулярной пилы, а Шурик пищать не мог, ему листва в рот набилась.

Потом грохот падающего автомобиля затих, а ребята скатились в заросшую кустарниками ложбину и повалились на землю...

Елки-волки и прочие чудеса

*«Из-за облака сирена
Ножку выставила вниз,
Людоед у джентльмена
Неприличное отгрыз».*

Николай Заболоцкий.

Несколько столетий минуло с того исторического дня, когда один умный дядя по фамилии Галилей сказал великое, сохранившееся в веках: «А все-таки она вертится!». Имел он в виду нашу старенькую матушку Землю, которая тем и занимается, что вертится себе да иногда трясется, пугая и калеча своих обитателей. Не найти сейчас умника, пожелавшего опровергнуть сие. Чтобы взгромоздился он на амвон и провозгласил сурово и со значением: «А все-таки она не вертится!», озадачивая окружающих своей беспримерной храбростью или кретинским скудоумием.

Как хотел несчастный Мормон, как желал полуживой Бугай, чтобы явился некий смельчак, чтобы кто-то остановил вращение окружающей их среды, пусть даже на словах, или хотя бы катящийся между деревьями автомобиль. Небо, земля, стволы, сучья, листья деревьев, пни, зайцы, птицы, полевки и сони, проносились перед окнами джипа с пугающей скоростью, вращаясь вокруг постоянно изменяющейся оси. Мир сошел с ума, вселенная пустилась в пляс, а мировые константы вдруг изменили свои значения, показав людям большой, жирный кукиш. Все стереотипы, моральные установки и идеалы повывлетали из мозгов Бугая, Мормона и Шишиморы, да и такие привычные слова великого и могучего русского языка рассыпались на составляющие буквы, превратившись в загадочный и древний язык, возможно шумерский или язык китайского народа ся. Оставалось только ждать, скулить и бояться, дрожать в ожидании скорой и безвременной кончины и проклинать совершенные в жизни непоправимые ошибки.

Джип Бугая был оснащен несколькими подушками безопасности для передних и для задних пассажиров. Это, да еще таинственная сила, благоволящая дурням, спасли похитителей и похищаемую от неминуемой гибели. Однако прошло не меньше получаса, прежде чем пассажиры джипа пришли в сознание.

– Скажите мне, я живой или мне это только кажется? – вяло спросил Мормон и, не дожидаясь ответа, пошевелился. – Ох! – скривился он от боли. – Если болит, значит, я живой. Есть еще кто-нибудь помимо меня?

– Я фифая, – донесся откуда-то снизу шепелявый голосок Шишиморы.

– Зубы выбила? – поинтересовался Мормон.

– Яфик пфикуфила, – ответила Шишимора.

– Ну язык – не страшно. Болтать меньше будешь. Бугай?! Бугай, ты как там?

– Га! – рывкнул Бугай, выходя из тяжелого обморока.

– Ты как там?

– Не знаю, – ответил Бугай.

– Выбираться надобно. Не ровен час, взорвется твоя машина.

Похитители, кряхтя и постанывая, осторожно выползли из машины, после чего тщательно осмотрели себя на предмет травм и увечий. У Бугая оказалось иссеченным осколками стекла лицо. Шишимора не только невзначай прокусила свой говорливый язык, но еще лишилась каблучков на туфлях и накладных ногтей на пальцах. У Мормона была вывихнута рука. Возможно имелись и другие внутренние повреждения, потому что у всех болели ребра и пояс-

ницы и кружились головы, но без рентгена обнаружить такие травмы не представлялось возможным.

Потом Бугай осмотрел свой автомобиль, а осмотрев, ужаснулся – спускаемый аппарат космического корабля после отказа парашюта.

– М-да, – мрачно озадачился Мормон. – Удивительно еще, как мы живы остались. Смирись с потерей, Бугай. Твой джип выполнил свой долг, спас наши жизни. На редкость героическая кончина. А как он приятно гудел, как красиво переливались его полированные бока. Вот что, надобно его похоронить и поставить в этом месте памятный обелиск.

– Лопаты нет, – более чем серьезно сказал Бугай.

– Пафни, а где фефочка? – вспомнила Шишимора.

– Чего? – тупо спросил Бугай.

Но Мормон догадался, что говорит Шишимора, и перевел:

– Девочка где? Она жива?

Вторично осмотрели машину. Девочки ни в машине, ни под машиной не оказалось. Не было ее и под ближайшими деревьями, поваленными упавшим автомобилем.

– Она в любом месте может быть. По-моему, ее еще на дороге из машины выбросило, – предположил Мормон.

– Нет, – возразил Бугай. – Когда мы по склону катились, она меня зубами за ухо держала.

– Точно, – согласился Мормон и шипя потрогал свою прореженную косицу. – Возможно, она жива.

– Пойдефте навэфх, – прошепелявила Шишимора. – Нафа аванфюфа на эфом зафонфилафь.

– Да уж, – согласился Мормон. – Я же и говорил, что это чистой воды авантюра. Закрытый лес, волшебный цветок... Девочка экстрасенс... Это не экстрасенс, это чудовище, вампир, вурдалак! Дрянь такая, и рука болит! – Мормон пошевелил своей поврежденной рукой.

– Да ты же этого вампира и поймал, – напомнил Бугай. – «Она, она». Смотреть нужно было лучше. Все, короче, приехали.

Размечтались, не приехали! Пройдя немного по следу, проложенному падающим джипом: поломанный кустарник и поваленные деревья, господа бандиты – а как их еще назвать – вдруг поняли, что заблудились. Спустя какое-то время след оборвался, но лес заканчиваться не желал, и наоборот, становился гуще. Куда-то подевалась высокая дорожная насыпь, с которой Мормон, Бугай и Шишимора так лихо и целеустремленно скатились. Пропала эстакада с шоссе и множеством автомобилей на ней. И вообще, куда-то подевались все обычные признаки человеческой цивилизации: гул автомобилей, свалки мусора, человеческие крики, свойственные пригородному лесу.

– Чертовщина, – озабоченно прошипел Мормон. – Не могли мы больше ста метров пролететь, не на самолете падали. Где дорога, где пруды, которые мы из окна видел?

– Если только мы туда, куда хотели, не залетели, – задумчиво пробормотал Бугай. – В засекреченный лес, куда только с помощью экстрасенсов попасть можно.

– Бред, – скептически фыркнул Мормон. – Засекреченных лесов не бывает. Давайте дальше пройдем. Уверен, трасса недалеко.

Прошли дальше. Лес не закончился, трасса не появилась, зато встретилось большое стадо оленей, голов сорок, мирно пасущееся среди высоких деревьев. Всем было известно, что олени, да еще в таком количестве, в окрестностях Чумска не водились. Вспугнутые олени убежали, а господа бандиты остались.

– Мы попали в засекреченный лес, – убежденно заявил Бугай. – Это то место, где прабабкин хахаль побывал. Где наша карта?

– В машине осталась, – напомнил Мормон, а потом горько усмехнулся. – Зря вы на меня бочку катили, девочка все-таки экстрасенсом оказалась. Провела нас, куда мы хотели. Правда способ переброски... Да, не хотелось бы повторять.

– Пойдемте к машине, – потребовал Бугай. – Там карта, оружие, припасы.

По своим следам вернулись к брошенной машине, но карты и большей части припасов в ней не оказалось, полностью исчезло съестное, и имелись свежие следы взлома.

– Жива наша девочка, – определил Мормон. – Больше некому так машину обшмонать.

– Не обязательно, – ответил Бугай, с кислой миной изучающий разорванные кульки из-под продуктов. – Место здесь глухое, таинственное. Хрен знает, кого мы здесь можем встретить.

Мормон зябко поежился и вытащил из кармана пистолет. Бугай при помощи монтировки взломал покореженный багажник и громко чертыхнулся – у добытого оттуда ружья оказался разбитым приклад. Шишимора тем временем искала подходящую замену своим поломанным туфлям и, не спрашивая согласия, воспользовалась запасными кроссовками Мормона.

Бандиты пугливо озирались по сторонам, вздрагивая от малейшего шороха, к тому же из глубины леса донеслось подозрительное и тревожащее урчание, но издававшего эти звуки за густыми деревьями разглядеть было невозможно.

– Сфафно, – прошамкала Шишимора, прячась за спину Мормона.

– Мне тоже страшно. Эх, Бугай, попали мы по твоей милости к чертям на кулички. Дался тебе этот Белый цветок с его лечебными корешками. Чую, пропали мы.

– Надобно братву на помощь звать, – решил Бугай и потянулся за мобильным телефоном, но телефон не действовал: может, сели батареи, может, разбился, а может, в этом непонятном месте отказывала всякая электроника. Грозное урчание, между тем, продолжалось и, кажется, становилось громче и злее...

Лес стоял вокруг огромный и могучий. Раскидистые дубы и стройные буки казались живыми и грозными хранителями здешних мест. Иногда налетающий ветерок шевелил их молодые листочки, и тогда деревья издавали тревожный шелест, грозный шепот недовольства, предупреждение незванным пришельцам, чтобы они не полагались на свои человеческие заслуги и звание венца эволюции. Почему-то не пели птицы, все утро трезвонившие на все голоса. Из чащи доносилось пугающее шуршание лесной подстилки, словно какие-то существа перебежали от дерева к дереву, подкрадываясь к людям.

Шнурок, Продиджи, Страус и Юля смогли перевести дыхание только тогда, когда забились в самые густые и глухие дебри. Грохот падающего автомобиля затих вдали, и наступившая тишина казалась поэтому более злой и давящей.

– Да, дела, – подавленно констатировал Продиджи, – еле-еле ушли. Большой бы форшмак получился, если б эта дура на нас наехала.

– Зато пассажирам той дуры явно не повезло, – напомнил Страус. – Нужно идти спасать.

– А где Оксана? – вдруг вспомнил Шнурок.

– Да вроде впереди нас бежала, – сказал Продиджи. – Орала она больше и громче всех.

– Но сейчас-то не орет, – проворчал Страус.

– Может, ее задавило? – похолодел Шнурок.

– Да ну, задавило, – отмахнулся Продиджи. – Она впереди нас была. Оксана! – позвал он громко.

Тишина. Никто не откликнулся.

– Оксана! – по очереди стали звать остальные.

Никто не откликнулся.

Ребята решили вернуться назад, вернее, попытались вернуться, чтобы найти автомобиль и Оксану. Шнурок очень боялся, что ее они найдут под автомобилем. Но пройдя в обратном

направлении несколько сотен метров, молодые люди не нашли ничего: ни Оксану, ни автомобиль. Даже тропинка, по которой они улупетывали, затерялась в чаще. Громадный и мрачный лес раскинулся во все стороны, закрывая округу и такое далекое небо.

– Мы заблудились, – спустя некоторое время сообщил Страус.

– Не может быть, – не поверил Продиджи.

– Сам знаю, что не может быть. Я этот лес вдоль и поперек исходил, но в этом месте я впервые.

– Забыл просто. Лес за год измениться мог.

Страус неуверенно покачал головой и вытащил из кармана компас и смятую карту, предназначенную для спортивного ориентирования.

– Давайте пройдем немного назад, – предложил Страус, держа перед собой компас и карту. – Хм, нет на карте этого места, – удивленно пробормотал он. – Вот, смотрите: какая-то ложбина, родник из склона выбивает. На карте ни того, ни другого. Вот здесь на нас покатила машина, – Страус показал на карте. – Мы бежали в этом направлении... или в этом. Больше двухсот метров мы пробежать не могли. Значит, мы должны быть здесь или здесь. Чертовщина!

– Сам ты чертовщина! – огрызнулся Шнурок. – Оксану искать надо.

– Помолчи, – оборвал его Продиджи. – Если Страус говорит: чертовщина, значит, так оно и есть. Я сам в том году здесь спортивное ориентирование сдавал. Не было здесь такого леса.

– Нужно Оксанку найти, – настаивал Шнурок.

Проблуждали еще немного, выбрались на хорошо проторенную дорожку, ведущую неизвестно куда. Остановились в раздумье. Хотя дорожка вела и неизвестно куда, но точно не в ту сторону, где можно было найти потерявшуюся Оксану. Между юношами произошел спор. Продиджи и Страус предлагали идти по дорожке: раз она есть, то куда-то определенно должна привести, но Шнурок требовал идти в другом направлении, поперек дорожки, сквозь непроходимые заросли терна. Спор выиграла Продиджи и Страус. Шнурок – Фома неверующий – даже сделал попытку продрасться сквозь колючки, весь исцарапался и под давлением таких аргументов согласился идти вместе со всеми. Юля же по-прежнему молчала, странной она была девушкой.

Потом, прошагав некоторое время по тропинке, они нашли большой и очень дорогой рюкзак, лежащий прямо на покрытой сухими листьями земле. Любопытный Продиджи сразу же заглянул внутрь, чтобы узнать содержимое. Содержимое оказалось очень нужным в их экстремальном положении: жестяные банки с консервированными продуктами, причем деликатесными, фляжка с коньяком, коробка дробовых патронов, брезентовая накидка, фотография какой-то маленькой белобрысой девочки со злыми глазами и полуоткрытым, как у дебилов, ртом, и карта, начерченная хотя и от руки, но четко и профессионально.

– Может, это и есть карта, которая нам нужна, – обрадовался Страус.

– Тогда ищи быстрее, где мы находимся, – потребовал Шнурок.

– Подходящих ориентиров нет. На карте целая куча дорог, полей, даже озер. Какие-то горы. Нет, это совсем другая карта. Здесь расстояния в десятки километров. В нашем лесу нет таких пространств.

Нести находку поручили Шнурку, как тот не упирался, жалуясь на непосильную тяжесть. Его собственный малюсенький ранец свободно поместился внутри найденного рюкзака, и еще свободное место осталось.

– Теперь, Шнурок, ты такой же, как все, одинаковую ношу тащишь, – сказал Продиджи. – И не лей по этому поводу горючие слезы.

– У меня сколиоз, мне вредно большие тяжести таскать, – напомнил Шнурок.

– Не рассыплешься, – ответил на это Страус, изучая найденную в рюкзаке карту. – Старая карта. Расстояние в верстах измеряется. И верст этих несколько десятков. Весь наш Чумской район поменьше будет. Нам эта карта не подойдет, здесь другое место изображено.

Однако вскоре они вышли на распутье с большим камнем посередине, и Страус нашел это место, отмеченное на карте в нижнем правом углу.

– Вот-так-так! – озадачился Продиджи. – Где мы тогда находимся? И как мы здесь очутились? Страус, ты можешь ответить на прямо поставленный вопрос?

Страус промычал нечто невразумительное. На прямо поставленный вопрос он ответить не мог.

– Ясно, что с нами произошло нечто необычное, – печально констатировал Продиджи. – Все, Шнурок, твою Оксану мы больше не найдем, ее лесные бабаи съели.

– Кто-кто?

– Бабаи. Такие страшные и плотоядные антропоморфные существа, боковая ветвь от эволюционного древа человеческого рода. Приходят ночью, нападают на людей и отгрызают разные полезные части тела.

– Но сейчас-то день, – напрягся Шнурок и прикрыл руками полезную часть тела.

– Значит, это были полуденные бабаи, они света не боятся. Да не трепещи ты, Шнурок, пошутил я. Найдется твоя Оксанка... Хотя, может, и нет.

– Куда теперь идем? – спросил Страус. – Здесь распутье.

– На камне этом ничего не написано?

– Написано, – Страус подошел к камню и придвинул лицо к его шершавой поверхности. – Только не по-русски. Руны какие-то или иероглифы.

– Жаль. Было бы неплохо узнать направление, – вздохнул Продиджи. – Налево пойдешь – по роже отхватишь, направо – тоже отхватишь, прямо – тем более. А на карте, что нарисовано?

– Три дорожки. Две на какие-то поляны ведут, а третья к озеру. Дальше все они расходятся. На полянах какие-то странные значки указаны.

– Не череп с костями?

– Нет, не похоже. Сам взгляни, какие-то треугольники, надпись от времени стерлась.

– Это успокаивает. Пойдемте к полянам, – решил Продиджи. – Мне вот эта средняя дорожка нравится. А тебе, Шнурок, какая?

– Мне все равно, – пробурчал Шнурок.

Пошли по средней дорожке, все равно, как правильно заметил Продиджи, на указательном камне не было указано, где и каким образом можно было сложить голову. Последнее и радовало и огорчало одновременно.

Узенькая дорожка постепенно превратилась в дорогу, пусть и не очень широкую, но ухоженную и, по многим признакам, часто используемую. Хотя следы автомобильных колес на прочном, слежавшемся грунте не различались. А еще стояла тревожная тишина. Нет, листья на деревьях шуршали, птички свистели, но все остальные шумы, обычно сопутствующие человеческой деятельности и привычные слуху, почему-то исчезли, а ведь обычно, даже во время ночевки в лесу Продиджи и Страус слышали негромкий рокот недалекого шоссе. Боясь нарушить царящую тишину, ребята разговаривали вполголоса, почти шепотом, поминутно прислушиваясь.

Потом молодые люди услышали очень подозрительный звук, прилетевший откуда-то издалека, но тем не менее вселивший в их души сильный страх. Над лесом поплыл протяжный звериный вой.

– Что это? – испуганно спросил Шнурок и замер на месте.

– Кто-то воет, – ответил Страус.

– Я сам слышу, что кто-то воет. Но кто это воет? Есть в нашем лесу кто-то, кто может так выть?

– Прикалывается кто-то, – предположил Продиджи. – Сегодня первое мая, пришел кто-то в лес и дуракует.

– Хорошо, если так, а если по-другому? Если это зверь такой? Хищный! Сами же говорили, что мы заблудились.

– Если есть карта, то не заблудились, – решительно заявил Страус.

– Ты по этой карте нас домой вернуть сможешь?! Оксанку найти сможешь?! Нет?! Значит, заблудились. И нечего ваньку валять!

Звериный вой продолжал плыть над лесом, пробуждая в душах шемящие, спрятанные в генах, воспоминания, когда одетый в шкуры пращуров с таким же волнением слушали звериный вой, сидя возле своего костра.

– Это прикалывается кто-то, – с деланным оптимизмом объявил Продиджи. – Пойдемте на звук и встретим людей.

– Диких? – спросил Шнурок. – Вдруг это твои полуденные бабаи за Оксанкой гонятся.

– Тогда мы бы и ее крики слышали – она у нас голосистая. Да и нету никаких полуденных бабаев.

– Тогда кто воет? Люди так не воют. Такой вой я только в ужастиках про оборотней слышал.

– Это не люди, – проговорила вдруг молчаливая Юля. – Это звери воют. Я у бабушки в Сибири жила. Так волки воют, когда на охоту выходят.

– Сейчас не зима, – неуверенно напомнил Страус.

– Скажи это волкам, – Шнурок начал впадать в истерику.

– Может, это собаки? – спросил Продиджи.

– А что, собаки лучше волков? – продолжал паниковать Шнурок. – Мне один раз пришлось целый час на дереве просидеть, когда соседский питбуль на улицу выскочил. Так и сидел, пока его другой сосед из ружья не завалил. Бешеная собака страшнее волка может быть, а здесь целая стая воет.

Протяжный вой пререзал сухой хлопок выстрела, а вой одного зверя сменился визгливым воплем полным боли и злобы, да и другие звери – если это были действительно звери – заверещали злее, перемежая протяжный стон истеричным рычанием. Послышалось еще несколько выстрелов, а затем прогремел громкий хлопок, словно взорвалась петарда. После этого все звуки затихли. Никто больше не выл и не стрелял.

– Вот-так-так, – пробормотал Продиджи. – Скажи мне, Страус, ты же у нас гений, без пяти минут нобелевский лауреат, что здесь происходит? Где мы находимся? Куда подевался знакомый лес, который мы с тобой знаем, как собственный карман? Кто только что выл? И кто от этих вытиков при помощи пистолета и гранаты отбивался?

– Мне разом ответить или по отдельности? – спросил Страус. – Я не знаю. Я не знаю, где мы находимся. Я не знаю, как здесь оказались. Я не знаю, кто только что выл. Я не знаю, кто стрелял. Тебя это удовлетворяет? Но одно я знаю точно, нужно принять меры предосторожности и найти какое-то средство обороны.

– Шнурок, у тебя есть какое-нибудь оружие? – спросил Продиджи.

– Кастет, – ответил Шнурок.

– Ага, с кастетом против стаи голодных волков. Веселенькое, я вам скажу, будет зрелище. Ты как хочешь, Шнурок, но Конан-Варвар из тебя не получится. Размерами и храбростью ты у нас не вышел. Кастет... А если на нас те стрелки с гранатами покусятся?

– У нас есть пачка патронов, – напомнил Шнурок.

– Без ружья. Я как-то не представляю, как можно использовать патроны без ружья.

– Можно из пороха гранату сделать, – предложил Шнурок.

– Одну. Много ли в этих патронах пороха. У меня есть топорик, но им даже хворост тяжело рубить.

Топориком было универсальное туристическое приспособление, в котором на стальную пустотелую рукоятку по очереди крепились штык маленькой лопаты и крестообразный гибрид

топора, пилы, молотка и долота. В топорном, так сказать, варианте это приспособление было очень неудобным, тупым и коротким. Тем не менее Продиджи вооружился этим инструментом, Шнурок самодельным кастетом, а Юля и Страус приготовили ножи. Еще они вырубili себе длинные прочные палки – оружие, согласитесь, более надежное, чем все выше перечисленное. Страус на конец палки прикрепил нож и получил вполне приемлемое копьё. Не сказать, что после этих приготовлений ребята почувствовали себя надежно защищенными, но некоторое успокоение в нервную систему вид топора и палок принес. Шнурок унял свои слезливые стенания, хотя по-прежнему озирался по сторонам и вздрагивал от любого подозрительного шороха.

Потом они двинулись вперед, соблюдая предельную осторожность, напряженно озираясь по сторонам, готовые отразить нападение.

Бугай, Шишимора и Мормон, три неудачливых похитителя детей, три посредственных путешественника, три авантюриста-дилетанта сидели сейчас на высоком дереве и боялись. Привычные к комфортабельным жилищам, ресторанам, «тусовкам» и «стрелкам», где они кого-нибудь самоотверженно «разводили», господа бандиты находились теперь в неудобных и в высшей степени некомфортабельных условиях. Сама обстановка и земное притяжение требовали, чтобы они свалились на землю с большой высоты, пересчитав в полете предварительно несколько нижних веток, а наполненные жаждой жизни организмы желали жить и безболно существовать. Поэтому сиятельные господа изо всех сил держались за кривые, раскачивающиеся ветви, обдирая в кровь руки и ноги.

Перед этим они совершили обстоятельную многокилометровую пробежку, спасаясь от неизвестных, но по многим признакам хищных тварей, похожих на раскрашенных в серо-зеленый камуфляж волков. Эти твари выскочили из леса, когда Бугай оплакивал погибшую машину, Шишимора сломанные ногти и прокушенный язык, а Мормон собирал остатки припасов. Припасы он собрать так и не успел. Из ближайших кустов выпрыгнул тощий, грязно-пятнистый, остроносый зверь, до этих минут пятнадцать наводящий страх своим урчанием в кустах. За первым зверем, щелкая зубами, выбежали остальные, и господа бандиты пустились убежать.

Бежать пришлось долго, что для непривычных к этому делу господ оказалось тяжким испытанием. Звери выли, рычали, бежали позади и по сторонам, иногда подскакивали ближе и норовили укусить. Мормону пришлось разрядить в чудо волков обойму пистолета. Он ранил одного из нападавших, хотя и не смертельно. Ранение сотоварища остальных зверей не отпугнуло, но наоборот, разозлило и раззадорило. Спаслись господа похитители только тем, что Бугай швырнул в животных ручную гранату. Часть чудовищ была убита, другая покалечена, но многие убежали. Поэтому Бугай, Мормон и Шишимора забрались на дерево и теперь сидели там, ругаясь и иногда соскальзывая.

– Олухи, пентюхи, дебилы! – слезливо орала Шишимора. Стресс оказал положительное воздействие на ее прокушенный язык, и теперь она могла орать в полный голос. – Кто обещал, что это будет легкое путешествие? Кто говорил, что это будет самое безопасное путешествие? «Ла-ла-ла, Шишиморочка, все будет тип-топ, легкая прогулочка и денег полные карманы» А я, идиотка, уши поразвесила, поверила. Да с вами даже цыплят разводить нельзя, вы в инкубатор крокодилья яйца засунете!

– Не бухти, Шишимора, – гундел в ответ Бугай и тряс головой – его слегка контузило взрывом гранаты. – В прабабкином завещании об этом ничего не было сказано.

Мормон удобно уселся в развилке дерева, положил заряженный пистолет на согнутые колени и закурил дорогие сигареты, единственное сохранившееся у него достояние. Делиться сигаретами он ни с кем не собирался. В кармане у него находились еще две неизрасходованные пистолетные обоймы, и поэтому он чувствовал себя более-менее спокойно.

– Гранаты еще остались, Бугай, – спросил Мормон.

– Одна.

– Плохо, что у нас рюкзаки сперли. Там целая коробка патронов была.

– Без ружья?

– Ну, приклад и ложе починить можно было, проволокой, в конце концов, перемотать или лейкопластырем, главное – чтобы стреляло. А теперь...

– Ты лучше думай, козел, как мы спастись будем! – проорала Шишимора.

– А ты мне своим визгом не мешай! Смотри, вместо тех еловых волков могут прийти какие-нибудь древолазы. Они нас с дерева точно стряхнут. Так что не ори и не кликай лиха. Быстро, однако, твой язык отошел.

Шишимора испугалась. Поворчала немного, попищала, поерзала на своем неудобном насесте, принимая более устойчивую позу, и затихла.

– Бугай, что там хахаль твоей прабабки говорил? – спросил Мормон.

– Про волков ничего, – ответил Бугай. – Рассказываю еще раз. Прабабка, когда откидывала копыта, а ей больше ста лет было, оставила мне порошок из корней и сказала, что этот порошок достался ей от хахалю. Что трава эта растет в потаенном лесу, где ее хахаль от комиссаров прятался. Этим порошком прабабка людей лечила, знаменитой знахаркой была. Я после отнес порошок в лабораторию. Этой дрянью можно и мертвого на ноги поставить, а СПИД, рак, хронические болезни, чума всякая для него детские штучки. Плохо, растение это только в одном месте растет, и мало его, всего несколько кустов.

– Ну, современные технологии его клонировать могут. Да, Бугай, это, конечно, золотое дно, но... Про опасности прабабка что-нибудь говорила, про волков этих зеленых, а вдруг здесь какие-нибудь циклопы водятся?

– Не успела. Я ее тогда потрянул сильно, наверное лишние силы приложил, она и откинулась.

– Так она не сама тебе завещание справила?

– Да будет эта старая скряга что-то завещать. Все с собой в могилу унести хотела. Пришлось правду силой добывать.

– Пытал? – проговорил Мормон, не столько спрашивая, сколько констатируя факт.

– Не ее саму, ее любимую кошку. Прабабка, видишь ли, кошку свою сильно любила, сильнее родни. Ну я кошку за хвост к потолку подвесил и начал с нее живой шкуру снимать.

– Ну ты и сволочь, оказывается, – беззлобно заметил Мормон.

– От сволочи слышу, – угрюмо огрызнулся Бугай. – Я детишек разной дрянью не кормил, «винтом» там, или «крокодиллом».

– Оба вы скоты! – вякнула со своей ветки Шишимора.

– Ша, птичка, заглохни! – цыкнул на нее Мормон. – Безвыигрышные лотереи, или махинации с квартирами старух, выходит, Пушкин делал? Все мы здесь одинаковые. Вот если найдем Белый цветок, можно и честным делом заняться: и людям страдающим помощь, и свой карман не обидим.

– Если только нас волки до этого не съедят, – угрюмо проворчала Шишимора.

– Будешь орать, съедят. Надобно на разведку идти, – решил Мормон и прыгнул с дерева. Встал на ноги, держа перед собой взведенный пистолет, огляделся. Было тихо. Зеленые волки не появлялись на глаза и не шуршали в ближайших кустах, но тем не менее Мормон трусил отчаянно, дрожал и вздрагивал. Хотя для примера: Бугай и Шишимора с дерева не слезли вообще и смотрели сверху на Мормона тоскливым и выжидательным взглядом.

– Ну, чего вы там расселись? – спросил их Мормон. – Слезайте. Трусы!

Бугай и Шишимора отрицательно замотали головами и еще сильнее вцепились в ствол дерева.

– Как хотите, – Мормон устало махнул рукой.

Сделав небольшую рекогносцировку, не отходя далеко от спасительного дерева, он вернулся назад:

– Волков нет. Давайте к машине вернемся? Там хоть какие-то вещи остались.

– Ты знаешь, где машина? – спросил Мормона Бугай. – Нет? То-то же. И с чего ты так уверен, что волки ушли. Вдруг они поблизости в засаде прячутся, нас поджидают.

– Так что, вы всю жизнь на дереве сидеть собираетесь? Без еды мы здесь быстро загнемся.

– Я никуда не пойду, – решительно заявила Шишимора.

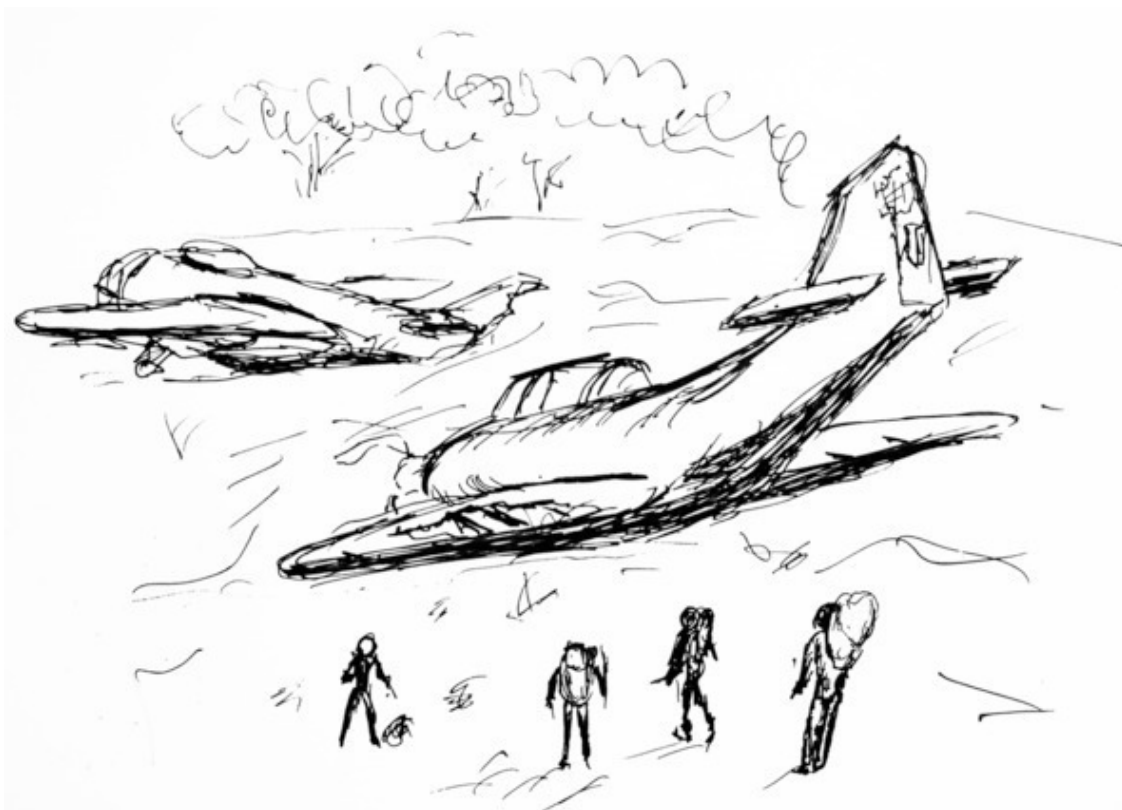
Мормон хотел сказать в ее адрес что-то язвительное, но поблизости раздался подозрительный треск валежника, возможно к волкам не относящийся, но все равно пугающий, и Мормон быстро залез обратно на дерево.

– Хорошо, – сказал он угрюмо. – Будем сидеть на дереве, пока не ослабнем от голода и не попадаем вниз. Тогда нас точно съедят.

Бугай и Шишимора ничего не ответили на это высказывание.

Наконец после затхлости лесной дороги, сдавленной с двух сторон стенами зеленеющего кустарника и деревьями, молодые люди выбрались на поляну, обильно заросшую сочной травой. В глаза ударило яркое солнце. Время уже подобралось к полудню, поэтому основательно потеплело. Поляна, по форме напоминавшая трапецию, оказалась протяженной, несколько квадратных километров точно. Ее можно было засеять зерновыми и получить приличный урожай, или использовать под колхозное пастбище. На поляне и в самом деле паслись какие-то животные, убежавшие в лес при появлении людей. Кто это был: олени или безоаровые козлы, Страус из-за расстояния распознать не сумел. Зато и он и все остальные хорошо разглядели несколько полуразрушенных самолетов, стоящих на южном краю поляны.

Самолеты для жителей затрапезного Чумска были вещью неординарной, близкой к космическим кораблям или суперкомпьютерам. Никто из четырех ребят на самолетах никогда не летал, а если и видел эти летающие достижения мировой цивилизации, то только пролетающими в высоком небе. Поэтому к самолетам они направились сразу, но не теряя осторожности.



Шесть самолетов времен второй мировой войны: пять, по всем признакам, бомбардировщиков и нечто полуразвалившееся, похожее на гидросамолет. Машины стояли на шасси, будто когда-то, несколько десятков лет назад совершили здесь вынужденную посадку. Когда-то в свое бурное и героическое время эти машины считались верхом инженерной мысли, совершенным оружием, оплотом и надеждой, сейчас это был просто металлолом, способный заинтересовать только сборщиков вторсырья и нескольких, сохранившихся в наше продажное время чудаков, любителей военных раритетов.

Время и непогода не пощадили эти грозные машины: плексиглас блистеров помутнел, покрылся сетью трещин, раскололся во многих местах, сквозь дыры в обшивке, как ребра мертвеца, проглядывал каркас, как внутренности, свисали пучки проводов и трубок. Рукотворные птицы уже давно отжили отпущенный им век и медленно разлагались, вид этого распада был таким же отвратительным, что и распад живой плоти.

Ребята с удивлением и трепетным почтением рассматривали самолеты. Если быть точным, почтение испытывали Продиджи и Страус, а Шнурок негодовал по поводу большого количества металлолома, пропадающего в этом глухом месте, и особенно алюминия. О чем думала Юля? Этого никто не знает, эта тихоня никому не доверяла свои мысли.

Потом Продиджи обратил внимание на белые звезды в синем круге, нарисованные на крыльях самолете, едва заметные из-за стершейся, облупившейся краски:

– Вот-так-так, это американские самолеты.

– Да, ну, – отмахнулся Шнурок.

– Американские, – подтвердил Страус. – Я такие на картинках видел.

– Только что могут делать американские самолеты в нашем лесу? – не унимался Продиджи. – Когда во время войны наши войска пользовались американскими самолетами, они их перекрашивали, и красные звезды на крыльях рисовали.

Молодые люди разбрелись между самолетами. Суетливый Продиджи полез внутрь. Пугливый Шнурок, хотя раньше никто не считал его пугливым, остался вместе с Юлей сторожить

брошенные рюкзаки. Страус же бродил вокруг, трогал лопасти винтов, царапал ногтями осыпающуюся краску, пару раз заглянул в открытые люки.

Продиджи развел в самолетах бурную деятельность: дергал рычаги и штурвалы, шевелил плоскостями рулей, гремел железом. Его любопытная голова попеременно то возникала в кабине на месте пилота, то высовывалась сквозь разбитый носовой фонарь, а вскоре маячила на месте хвостового стрелка.

– Оружие с самолетов сняли, – деловито сообщил он, выпадая сквозь бомболюк под ноги Страусу.

– Ну а что ты хотел? – удивился Шнурок. – Будет такое добро бесхозным валяться.

– А еще это говорит о том, что здесь есть люди. Ты о чем, Страус, так глубоко задумался?

– Да вот, подумал, не самолеты ли это эскадрильи номер девятнадцать.

– Это что за эскадрилья такая? – глупо спросил Шнурок. Кстати, когда он что-то спрашивал, то всегда выглядел глупо.

– Вот эти штуки под днищами вполне могут быть направляющими для авиационных торпед, какие во вторую мировую войну использовали, – рассуждал вслух Страус, словно не слыша вопроса. – Может, это действительно самолеты эскадрильи девятнадцать. Вон и гидросамолет стоит, он вместе с эскадрилей пропал.

– Где пропал? – потерял терпение Шнурок. – Ты, Страус, умника из себя не изображай. Объясни по-человечески.

Продиджи молчал и выжидательно смотрел на Страуса, он тоже ничего не знал про эскадрилью номер девятнадцать.

– Эскадрилья номер девятнадцать из пяти бомбардировщиков-торпедоносцев и один гидросамолет исчезли в «бермудском треугольнике» шестого декабря девятьсот сорок пятого года... – просто и лаконично объяснил Страус.

На Продиджи это предположение произвело впечатление, но Шнурок стал выглядеть еще глупее. Несвойственная ему напряженная мозговая деятельность проявилась на его лице в виде округлившихся глаз, вытянувшихся в трубочку губ и глубоких морщин, собравшихся на переносице. На глубоко задумавшегося роденовского «Мыслителя» он явно не тянул.

– Вот-так-так, – удивленно пробормотал Продиджи.

– Фигня все это, – махнул рукой Шнурок, сложный мыслительный не привел ни к какому результату, и Миша просто прогнал скопившиеся в голове мысли решительным жестом.

– А я и не говорю, что это те самые самолеты, – спокойно ответил Страус. – Просто сделал предположение.

– А если это те самолеты? – спросил Продиджи. – То какой отсюда напрашивается вывод?

– Мы попали в зазеркалье, в параллельный мир, к черту на кулички, на тот свет, в рай или ад, – перечислил варианты Страус. – Возможно, нас машиной все-таки задавило, мы все умерли и даже этого не поняли.

– Ерунда, – отмахнулся Продиджи, а Шнурок, поднапрягшись, родил еще одну мысль:

– Я знаю, какой напрашивается вывод! Нужно валить отсюда, да побыстрее!

– Кто бы спорил, – пожал плечами Продиджи, после чего снова полез в бомболюк, снова загремел железом и выкинул наружу метровой длины стальную трубку и бухту проволоки, затем выпал наружу.

– Вот что, Шнурок, – сказал он деловито, – у нас есть охотничьи патроны, вот тебе проволока и трубка, да с дыркой на боку – сверлить не придется. Сооруди-ка для нас мультук. На всякий случай – вдруг воющие звери к нам пожалуют.

Шнурок с раннего детства занимался конструированием всевозможных огнестрельных устройств, пусть и более простых, чем средневековые фитильные аркебузы, но стреляющих и иногда попадающих в цель. Такие примитивные самопалы Продиджи называл восточным словом «мультук».

Шнурок воспринял предложение благосклонно. Для начала ребята отошли от самолетов в лес, где росли необходимые для изготовления оружия деревья, да и делать возле этих механических руин было нечего.

При помощи топора-пилы Шнурок выпилил средних размеров палку, ножом придал ей какое-то подобие ружейного ложа и проволокой примотал к ней трубу, предварительно согнув и сплющив один конец. Благо дырка, пригодная для затравочного отверстия, в трубке уже имела, не нужно было сверлить, да и не было у них пригодного для этой работы инструмента. Чтобы ствол случайно не разорвало, Шнурок обмотал трубку несколькими витками проволоки. Потом ребята разобрали один ружейный патрон, забили в ствол порох, вставили пыж, засыпали сверху дробь и вставили еще один пыж. К затравочному отверстию прикрепили простую спичку.

– Надобно испытать, – деловито сообщил Шнурок, собираясь поджечь затравку.

– Стоп-стоп-стоп! – остановил его Продиджи. – Сделай это дистанционно, не рискуя своей и нашими жизнями.

– Это как? – глупо спросил Шнурок.

– На ветки мультук закрепи, подожги спичку и отойди подальше.

– А, понял, – согласился Шнурок и пошел выполнять требуемое. Закрепил самопал в расщепе дерева, поджог спичку и отбежал в сторону.

Грянул громкий выстрел. Вылетевшая из ствола дробь ударила по листьям, вспугнув гнездившихся в кронах птиц. Громкое эхо, отразившись от лесной чащи, вернула звук выстрела обратно и повторило несколько раз.

– В белый свет как в копеечку, – скептически пробурчал Страус и оглушено тряхнул головой.

– Но против волков может помочь, – Продиджи не терял оптимизма.

– Пойдемте домой, – настоятельно потребовал Шнурок, снимая мультук с дерева. – Нужно еще Оксанку найти.

Оксанку они так и не нашли, да и из лесу не выбрались, хотя и проблуждали в чаще несколько часов. Тропинки, которыми воспользовались ребята, оказались капризными, причудливо извитыми, то расходящимися в разные стороны, то собирающимися вместе. Карта тоже подвела, некоторые ориентиры на ней отсутствовали, но появились новые, на карте не отмеченные. Там, где значилась широкая дорога, был густой и непроходимый лес, зато в неуказанном месте обнаруживались неучтенные дороги. Хотя рельеф не изменился, многочисленные водоемы тоже были в положенном месте. По этим приметам Страус смог определить свое местоположение, но найти дорогу домой у него не получалось.

– Нас телепортировало в какое-то другое место, возможно, за сотню километров от Чумска, – решил он обреченно.

– Фильмов сказочных насмотрелся? – проворчал Шнурок. – Скажи, заблудился, дорогу домой не найдешь.

– Знаешь что, за это время мы бы не только до дома дошли, но еще в соседний район и обратно сходили, – окрысился Страус. – Может, сам поведешь?

– Веди! – прикрикнул Шнурок. – Каждый должен свое дело делать.

– Пошли, – устало ответил Страус, на спор со Шнурком у него не осталось сил.

Однако блуждания по лесу результата не принесли. Часы показывали пять часов вечера, и молодые люди догадывались, что ночевать им придется в этом загадочном лесу, боясь волков, людей и бабаев...

Гитара как ударный инструмент

«Декабристы разбудили Герцена».

В. И. Ленин.

Невидимая сова, сидя совсем близко на дереве, угрюмо кричала: Гу-гу. В болоте утробно гудела выпь. Квакали жизнерадостные лягушки. Но были и другие звуки, неизвестные, непонятные, а потому страшные: какие-то шорохи, скрипы, писки, полупридушенные вопли, плаксивые стенания – может, это кричали лесные животные, может, лешие, а может, бабаи. Слава Богу, не выли волки, иначе молодые люди, проводившие эту тревожную ночь возле костра, сошли бы с ума от страха. Однако и сейчас никто не спал, хотя все очень устали.

Темень взирала из-за черных деревьев светящимися глазами страха, шептала загадочными голосами ночных существ, скалила свои кривые зубы, презрительно усмехалась. Потерявшиеся люди были слишком слабы перед ее многовековой, дремучей силой, перед ее могучей властью и нечеловеческим опытом.

Громко трещал костер. Видимо, неумелый Шнурок засунул в него сырую ветку. Горящие искры отлетали в разные стороны и иногда падали на ребят, сидящих на развернутых спальных мешках. Юля прижалась к Продиджи, Шнурок пристроился с другого бока, а независимый Страус сидел на бревнышке перед костром и переворачивал жарящуюся на прутиках колбасу. От колбасы исходил восхитительный аромат, плывущий по лесу на значительные расстояния.

– Вдруг Оксанка сумела выбраться из леса? – уныло предположил Шнурок.

– Возможно, и выбралась, – согласился Продиджи. – Или даже, скорее всего выбралась. Если бы она была поблизости, мы бы ее услышали. Она у нас горластая. Как ты думаешь, Страус?

Страус пробормотал в ответ что-то неопределенное.

– Слушай, Страус, так что насчет этих самолетов? Они точно в «бермудском треугольнике» пропали?

– Если это они.

– Что за треугольник такой? – спросил Шнурок.

– Место в океане между Флоридой, Бермудскими островами и островом Пуэрто-Рико, – ответил Страус. – Самое глубокое место в Атлантическом океане. Там еще Саргассово море находится, море без берегов, где рыбы угри нерестятся. Раньше об этом много писали, но теперь считается, что никакой загадки нет, все это журналистские байки.

– Ты про самолеты расскажи, – попросил Продиджи.

– Ну а что самолеты? Они почти шестьдесят лет назад пропали.

– Не тяни, – настоял Шнурок.

– Ну, значит, вылетели они шестого декабря сорок пятого года с авиационной базы во Флориде. Пять торпедоносцев «Грумэн авиджер». Командовал ими лейтенант Тейлор, кажется. В одних книжках я читал, что у них патрульный полет был, в других, что учения – на мель посадили старый эсминец, и они должны были его торпедировать. В каждом самолете было по три человека, итого – пятнадцать. Выполнили они свое задание, а спустя какое-то время капитан вышел на связь и доложил, что они заблудились. Навигационные приборы отказали, солнца не видно, непонятный туман. Потом связь ухудшилась. Экипажи не слышали команды с земли, но на земле переговоры экипажей друг с другом слышали. Потом послышалось: «Погружаемся в белую воду, мы погибли!». И все. По тревоге подняли гидросамолет с одиннадцатью членами экипажа. Через десять минут связь была потеряна и с ним. Все! Больше самолетов никто не видел: ни обломков, масляных пятен на воде – никаких следов. После этого район Саргассова моря назвали «бермудским треугольником».

– Вот-так-так, – зябко поежился Продиджи. – Выходит, мы находимся на обратной стороне «бермудского треугольника»?

– Если только это те самые самолеты, – повторил Страус. – Знаете, среди туристов и охотников ходят легенды про заколдованные места, охраняемые Мороком.

– Кем-кем? – переспросил Шнурок.

– Мороком, божеством таким: духом или непонятной силой. Вроде идешь по лесу, ни о чем плохом не помышляешь, а потом вдруг попадаешь в такое место, где никогда до этого не был и не долго не можешь оттуда выйти, замороженное место. Оно как бы отводит взгляд. В таких местах некоторые люди встречали странных зверей, давно вымерших древних чудовищ, другие наткнулись на непонятных людей. Иногда существа из таких мест сами выбираются в наш мир...

– Тот же снежный человек, – вставил Продиджи.

– Он что, из снега состоит, как снежная баба? – спросил Шнурок.

– Нет, – ответил Страус. – Его снежным назвали, потому что он следы на снегу огромные оставляет. А так он бурый и лохматый, под три метра ростом. Криптозоологи его реликтовым гоминоидом называют. А разные озерные драконы... Я бы порассказал, да не стоит на ночь. Ладно, давайте есть, колбаса уже готова.

Ребята быстро слопали колбасу, но не наелись, и Страус насадил на прутики следующую порцию.

– Как же мы сюда попали? – спросил Шнурок, облизывая жирные пальцы.

– А ты вспомни, КАК мы сюда попали? – напомнил Продиджи. – От машины убежали, выпучив глаза и вывалив языки, не каждый день приходится так побегать. Вот и пересекли невидимую границу.

– Тогда, возможно, Оксанка ее не пересекла?

– Возможно, и так, или, скорее всего, так. Теперь она вернулась домой и устроила грандиозную панику. Сейчас нас с милицией и спасателями по всему чумскому лесу ищут и никак найти не могут.

– Если, конечно, дело обстоит именно так, – проговорил Страус.

– Что-нибудь еще известно о подобных местах? – поинтересовался Продиджи. – Ты, Страус, у нас специалист в подобных вещах.

– Да какой я специалист. Так, дилетант. Что-то где-то слышал.

– Тише! – неожиданно тревожно прошептала Юля и привстала со своего места.

Где-то неподалеку громко треснула ветка. Потом еще раз и еще. Кто-то, по всей видимости, большой и тяжелый, бродил возле костра, скрытый темнотой и густыми деревьями. Еще раз треснула ветка, и послышалось странное бормотание, похожее на урчание большой обезьяны.

Ребята напряглись. Вскочивший на ноги Страус схватил с земли свое импровизированное копьё и взял ее наперевес. Продиджи, не поднимаясь, сжал в руке рукоять топорика. Шнурок придвинул ближе самопал и испуганно оскалился, а Юля приготовила гитару. Однако наступила тишина. Треск сучьев больше не повторился.

– Показалось, – решил Страус, отложил копьё и сел на свое место. – Ветер подул или мышка пробежала. В такой тишине и мышь слоном покажется.

Однако это была не мышь, но кто-то более крупный и опасный. Как только ребята слегка успокоились, отложили в сторону свое оружие, потянулись за поджаренной колбасой, из темени леса на свет костра, треща валежником, сопя и топая, выскочили какие-то непонятные существа.

– Бабаи! – пронзительным фальцетом взвыл Шнурок. Он попытался использовать свой мультук, чиркнул об коробку спичкой, привязанной к затравочному отверстию самопала, спичка загорелась, но выстрела не произошло, и тогда Шнурок просто бросил оружие на землю.

Страус сделал выпад копьём в ближайшего бабая, но тот ловко увернулся и ринулся к костру. Второй бабай умело разоружил Продиджи, но, получив по голове гитарой, быстро отступил. Третий проворно вцепился в ранец Шнурка, валявшийся возле костра.

Исполнив это быстрое нападение, непонятные ночные существа так же быстро канули в темноту. Запоздало выстрелил оброненный Шнурком самопал.

– Они украли нашу колбасу! – крикнул Страус.

– И рюкзак, – дрожащим голосом произнес Продиджи.

– И гитару, – тихо сказала Юля.

Продиджи кинулся заряжать разряженный самопал. Страус поднял оброненное копьё, а Шнурок попытался спрятаться в ближайший пенек. Однако напавшие на них существа, видимо, не собирались повторять нападение. Было слышно, как они шумно бегут по лесу, постепенно удаляясь. Хруст веток, шелест лесной подстилки, вопли и бормотание становились все тише и вскоре затихли вдали.

– Это были снежные люди! – убежденно проговорил Страус...

– Всегда знал, что погибну от плохой музыки! – трагически простонал Мормон и тяжело повалился на землю. Склонившаяся над ним Шишимора осторожно сняла разбитую гитару с его шеи. Бугай же тем временем со звериной жадностью пожирал добытую в боях колбасу.

– Дай мне, – Шишимора выхватила половину добычи из зубов Бугая и поделилась с Мормоном, но получивший сотрясение и потрясение Мормон еще не был готов к потреблению пищи и только тоскливо стонал, сжимая кусок жареной колбасы в дрожащих руках.

– Что там в рюкзаке? – Шишимора, сочно чавкая, заглянула в рюкзак. – О, водка! Знаменитая Чума!

– Дай мне, – Мормон выхватил бутылку из рук Шишиморы, откупорил и присосался к горлышку. Послышалось громкое бульканье. Мормон залпом выпил не меньше половины бутылки, пока Шишимора не оторвала его от горлышка:

– Другим оставь.

– Хорошо! – с чувством провозгласил Мормон и начал есть колбасу. Его психологическое состояние слегка восстановилось.



Кроме водки в рюкзаке были обнаружены сигареты, сухие носки и несколько сухарей. Больше ничего. Шишимора даже оторвала подкладку ранца Шнурка – с этим ранцем он ходил в школу и очень им гордился – но ничего стоящего не нашла.

– Маловато, – пьяным голосом заключил быстро хмелеющий Мормон. – Пойдем еще раз на охоту сходим.

– Не стоит, – возразил Бугай, допивавший остатки водки. – У них, кажется, базука есть. Слышал, как жажнула.

Совершить это наглое нападение неудачливых похитителей детей сподвиг животный голод. До самой темноты они сидели на дереве, боясь нападения волков. Но волки не пришли, зато пришел холод, а за ним голод – звери не менее страшные и хищные. Бандиты спустились с дерева, развели костер, но еды не было. Правда Мормон пытался жевать молодые листья, утверждая, что это полезный и лечебный продукт, но такая коровья диета голода не утоляла и вызывала неприличное урчание в пустом желудке.

Потом прилетевший из леса ветерок принес изумительный запах жареной колбасы. В средние века была такая мучительная пытка. Несчастного еретика несколько дней морили голодом, а потом перед его камерой садисты-монахи устраивали царский пир с жареным мясом, рыбой, птицей, фруктами и дорогим вином. Сами ели и нахваливали, а несчастный глотал слюнки и страдал неземным страданием. Бандиты не долго терпели неземное страдание и вскоре отправились на поиски пищи, пользуясь, как собаки, нюхом. Как известно, голод обостряет обоняние, поэтому не удивительно, что, держа носы по ветру, Мормон, Бугай и Шишимора вскоре нашли источник соблазнительного запаха.

Густо растущие деревья скрывали от бандитов сидевших у костра людей. После нападения чудо волков Мормон, Бугай и Шишимора утратили былую решительность – кто знает, вдруг сидят возле костра какие-то вооруженные господа-каннибалы и используют запах жаре-

ной колбасы для подманивания неосторожных путников. Только зверский голод заставил этих самых неосторожных путников решиться на очередную авантюру.

Добыча, хоть была и ароматной и вкусной, оказалась небольшой. Голод трех авантюристов пусть и притупился, но только чуть-чуть.

– Ничего, в Магадане похуже было, – оптимистично заявил Бугай, одним боком прижимаясь к костру. – Зимой холодно, летом жарко, а жрачка – хуже некуда.

– Так у нас вообще никакой жрачки, – зябко поежилась Шишимора. – Чем можно питаться в этом лесу?

– Лягушками, – ответил быстро трезвеющий Мормон. На его лице, расцарапанном гитарными струнами, медленно подсыхали свежие болячки. – Утром нужно наловить лягушек. Слышишь, как квакают? Их здесь много.

– Одними лягушками сыт не будешь, – мрачно пробурчал Бугай.

– У нас пистолет есть и патроны к нему. Подстрелим какого-нибудь зверя.

– Только бы зверь нас не подстрелил. Интересно, Мормон, а чего ты припадении на костер пистолет не применил?

Мормон задумался, почесал затылок, кашлянул.

– Я как-то и не подумал, – сказал он, удивляясь собственной глупости.

– То-то же, в следующий раз думай, а то будешь от медведей камнями отбиваться, а пистолет за поясом останется.

– Я не собираюсь здесь всю жизнь оставаться, – распустила нюни Шишимора.

– Никто не собирается.

Рядом с костром громко хрустнула ветка. Бандиты испуганно вскочили, а Мормон выхватил пистолет. В отблесках костра промелькнула белая фигура и быстро спряталась.

– Какой-то зверь, – неуверенно предположил Мормон, не опуская пистолета. – Здесь хватает разной живности.

– Господи, только бы не хищник, – всхлипнула Шишимора. – Только бы не волки и не медведи.

Шло время. Непонятное существо не появлялось.

Возле костра, который развели молодые люди, постепенно воцарилось спокойствие. Продиджи, Юля и Страус еще некоторое время простояли на ногах, держа наготове свое примитивное оружие, но шум, производимый убегающими агрессорами, затих вдали. Наступила тишина.

– Это что, вправду были снежные люди? – спросил Страуса Продиджи.

– Да нет, просто люди, – ответил после раздумья Страус.

– Люди, – поддержала его Юля. – У того, которого я по голове гитарой ударила, современная прическа была в виде хвоста.

– Гитара где? – спросил Продиджи.

– Он ее на себе унес.

– Жаль. Хороший инструмент был, любимый. Чего тогда эти люди от нас хотели?

– Колбасу, – молвил Страус. – Жрать они хотели, вот и напали. Возможно, это были одичавшие туристы. Попали бедолаги в лес, заблудились в этом непонятном месте, одичали от страха и голода. Вот теперь на людей кидаются.

– А вдруг это были дикие люди, неандертальцы? – не успокаивался Продиджи.

– Одеты они были по-нормальному, вполне прилично, – возразил Страус. – А там, кто знает. Главное, чтобы опять не вернулись.

– А где Шнурок? – вспомнил Продиджи.

– Да, где Шнурок? – повторил Страус, озираясь по сторонам.

Пошли искать Шнурка. Миша был найден быстро, забившимся в дупло трухлявого пня, возле которого ребята развели свой костер. Целиком Шнурок, конечно, поместиться в дупло не смог, но как-то сложился, оставив снаружи часть крупа.

– Шнурок, вылазь, они ушли, – Продиджи дал товарищу легкого пинка. – А ты, оказывается, порядочный трус. Кто бы мог подумать, Шнурок! Во всякого рода разборках ты был самый первый и нарывистый, а когда дело до обороны дошло, ты в пенек забрался.

– Я отстреливался, – проскулил испуганный Шнурок, выбираясь из своего ненадежного убежища.

– Оставь его, – попросил Страус. – Он к таким вещам просто не привык.

– А я привык? А ты? – возмутился Продиджи. – Можно подумать, мы каждый день в заколдованные места попадаем, и от разных бабаев отбиваемся. Вот что, Шнурок, сейчас мы все ляжем спать, но ты останешься на стрёме. Охранять будешь, чтобы нас никто во сне не съел. Ты согласен?

– Угу, – понуро пробурчал Шнурок и стал искать свой ранец, в котором у него была водка, магический напиток, потребляемый современными молодыми людьми начиная с тринадцати лет.

– Сперли твой рюкзак и твою водку, – напомнил Продиджи, наблюдая за этими тщетными поисками. – Здоровее будешь. Сиди, охраняй.

Пристыженный Шнурок бухнулся на пенек и по-коровьи печально вздохнул. Остальные залезли в спальные мешки, поворочались, выбирая удобные позы, затихли, пытаясь заснуть, но какой может быть сон после такого происшествия в незнакомом и загадочном месте. Каждый шорох, каждый крик ночной птицы или писк лесной мыши заставлял их вздрагивать.

Спустя час благодаря сильной усталости ребят охватило сонное забытие – не сон, а так, некое подобие дремы. Не дремал один Шнурок. Сжимая в руках ненадежный самопал, он всматривался в окружающую костер темень. Огненные блики, падающие от костра на стволы и ветви ближайших деревьев, создавали эффект движения. Словно кто-то быстрый перебежал между стволами, подкрадываясь к костру. Не удивительно, что вскоре Шнурку стали мерещиться неизвестные чудовища: волки, снежные люди, бабаи и прочие вурдалаки. Казалось, они сидели за каждым кустиком, под каждым древесным стволом, но разглядеть их как следует не получалось. Их неясные силуэты растворялись во мраке ночи, превращаясь в простые тени.

Потом одного бабая Шнурок разглядел очень отчетливо. Какое-то маленькое белесое существо сидело недалеко от костра и пялилось на Мишу. Миша оцепенел.

– Продиджи, Продиджи, – шепотом позвал он и толкнул лежащего рядом приятеля.

– Чего? – сонно спросил Продиджи.

– За кустом кто-то сидит и на нас смотрит.

Продиджи приподнялся на локтях:

– Где?

– Вон, слева от того куста.

– Показалось.

– Да нет же! Видишь, пошевелилось!

– Точно, – неожиданно охрипнув, пошептал Продиджи и толкнул Страуса. – Страус, снежные люди пожаловали.

Страус схватился за копые, но не вскочил, а только осторожно приподнял голову.

– Где? – спросил он. Продиджи показал.

– Да, – согласился Страус. – Это кто-то живой, но маленький. Какая-то обезьяна.

– Что делать будем? Шнурок, брось в него чем-нибудь.

– А вдруг кинется, – ответил Шнурок. – Оно хоть и маленькое, но может кусачим оказаться.

Существо между тем продолжало пялиться на костер. Один раз оно пошевелилось, убив передней конечностью комара. Шнурок набрался смелости, поднял трухлявый сук и швырнул в существо.

– Да пошел! – послышался в ответ детский голосок.

Миша опешил, онемел, ощутил странное чувство внутри. На него неожиданно накатился истерический смех. Ну еще бы ему не опешить – этот голос принадлежал его двоюродной сестре Наташе Морячкиной, известной всему Чумску под творческим псевдонимом Туголобая.

Миша швырнул второй сучок.

– Да пошел! – раздалось снова.

– Наташа, ты?.. – осторожно спросил Миша.

– Миша-а-а! – заплакала Наташа Туголобая...

Дом для поросенка должен быть крепостью

«Чешите в другом месте!».

В. С. Черномырдин

Утро выдалось свежим и росистым. Ребята, к рассвету задремавшие в своих спальных мешках, основательно продрогли. Что поделаешь, было только начало мая – время капризной и переменчивой погоды, когда в равной степени можно было ожидать и грозы, и снегопада. Над лесом клубился густой туман, закрывавший видимость и неприятно холодивший лицо. Благо, этот же туман подмочил и разогнал ранних комаров, докучавших туристам всю первую половину ночи. Костер прогорел, превратившись в кучу белесой золы, в глубине которой, по счастью, сохранился жар.

Первой проснулась Юля. Вместе с ней в спальном мешке находилась Наташа, и этот несносный ребенок начал дергаться во сне. Юля вскрикнула и разбудила остальных.

Каким тягостным, каким печальным было это пробуждение, с горьким сожалением на заспанных лицах, с тоской в душах, с опасениями за свое будущее. Все надеялись, что треволения прошлого дня окажутся страшным и необычным сном, что поутру все проснутся у себя дома, в своих уютных постелях. И не будет леса, не будет ночных хищников, комаров, сырого тумана, не будет страха... Наташи Туголобой тоже не будет. Но все осталось на своих местах: лес, звери, сырость, неизвестность. Наташа!

– Бабаи! – заорал Шнурок, замахал своим самопалом, готовясь отразить нападение.

– Отставить, Шнурок! – предупредительно крикнул Продиджи, опасаясь, что перепуганный юноша со сна разрядит в кого-нибудь свое оружие. – Это был всего лишь сон.

– Сон, – горько простонал Миши. – Зато все это не сон. Мы по-прежнему в лесу, и не знаем, как отсюда выбраться.

– Зато твоя сестричка с тобой, – напомнил Продиджи.

– О-о-о, это и есть самое страшное!

– Да пошел, – беспечно заявила Наташа. Она уже вылезла из спального мешка и теперь пыталась раздуть затухший костер. Во все стороны летели пепел и зола, опускаясь на головы остальных и покрывая серым налетом саму Наташу, но ее такое изменение расцветки не волновало.

За несколько часов до этого Наташа поведала ребятам, какие приключения ей пришлось пережить в великий День Солидарности трудящихся. Теперь все встало на свои места: и упавшая с насыпи машина, и выстрелы, и ночные похитители колбасы. Вот только одно осталось непонятным, кому и зачем могла понадобиться Наташа. Сама Наташа выдвинула по этому поводу одну гипотезу, но слишком фантастическую, по мнению остальных – ну, не была Наташа прекрасной и соблазнительной девушкой, чтобы ее пожелали похитить и увезти в приюты Турции. Подобной сказкой Наташина мама безуспешно пугала свою доченьку, чтобы та далеко не отлучалась от дома.

Молодые люди выбрались из спальных мешков, кряхтя и постанывая, потянулись, разминая конечности, ополоснули лица водой из пластиковой бутылки. Потом юноши пошли за дровами, Юля занялась приготовлением завтрака, вернее, просто разделила на порции сухой паек, а сумевшая раздуть костер Наташа стала горящей палочкой прожигать дырки в спальном мешке своего кузена. Вернувшийся с дровами Шнурок отвесил ей хороший подзатыльник.

– Теперь, господа-товарищи, нужно принимать решение, – Продиджи решил взять на себя роль руководителя. – Как мы с вами поступим?

– Дорогу домой искать будем, – пробурчал Шнурок, изучая свежие дырки в своем спальном мешке, его кузина восторженно кривила рожи.

– А если снова не найдем, как вчера? Снова в лесу ночевать, чтобы Наташины похитители опять к нам за колбасой пожаловали.

– Колбаса уже закончилась, – напомнил Шнурок.

– Картошка осталась.

– У тебя есть какое-то предложение? – спросил Страус.

– Я предлагаю для начала более-менее надежное убежище найти, – предложил Продиджи. – Чтобы ни люди, ни хищники до нас не добрались, обустроить его, и в случае повторной ночевки в лесу нам будет куда вернуться.

– Сколько времени это обустройство займет? – недовольно сморщился Шнурок.

– Да сколько бы не заняло. Может статься, что нам несколько дней придется в этом заколдованном лесу торчать. Благо у нас есть карта.

– Долго мы без еды не протянем, – продолжал бурчать Шнурок.

– У меня есть рыболовные снасти, из лески можно силки или ловушки на птицу и мелкого зверя сделать. Да и Страус найдет какие-нибудь съедобные растения. – Продиджи попытался успокоить впадающего в панику Шнурка. – Смотри, твоя сестра нисколько не боится.

– Дура потому что!

– Собираем вещи, и пошли, – решительно объявил Страус.

– А как же завтрак? – обиженно протянула Наташа.

– На ходу перекусим.

Вот так жуя на ходу нехитрый малоаппетитный завтрак, что, как известно, вредит пищеварению, молодые люди двинулись в путь. Юлю освободили от рюкзака, предложив идти налегке, а самый большой и тяжелый рюкзак, как ни странно, доверили Наташе. Это была идея Продиджи. Видя, как шныряет она по сторонам, как лезет в разные кусты и буераки, как ищет на свою голову приключения и норовит что-нибудь сломать или испортить, юноша предложил ограничить Наташину свободу при помощи тяжелого рюкзака. А чтобы случайно не лишиться чего-нибудь наиболее ценного, в рюкзак поместили вещи, хоть и нужные, но в крайнем случае заменимые: запасную одежду, всю воду, найденную фляжку с коньяком.

Наташа поначалу издала некий возмущенный писк, служащий сигналом недовольства, но решительный Продиджи пригрозил оставить ее в лесу на растерзание волкам и бандитам-похитителям.

Ребята снова выбрались на дорогу, утопанную и указанную на карте и, судя по карте, ведущую к большому озеру. Страус считал, что близость водоема очень подходит их временному убежищу по многим стратегическим соображениям: наличие питьевой воды и возможность ловить рыбу.

– Там и съедобные растения должны быть, – говорил он. – Тот же рогоз или сусак. Из них даже хлеб печь можно.

– Еще там есть лягушки, – напомнил Продиджи.

– Зачем нам лягушки? – угрюмо спросил невыспавшийся и уставший Шнурок.

– Как зачем? В нашем положении это самый подходящий источник пропитания: и ловить нетрудно и, как говорят, вкусно.

– Гадость какая! – сплюнул Шнурок. – Вот ты их есть и будешь.

– Обязательно. Эх, Шнурок, Шнурок, – грустно вздохнул Продиджи, – никогда не думал, что с тобой будет так трудно. Не приспособлен ты к походной жизни и бабаев боишься.

– Я современный цивилизованный человек! – окрылся Шнурок. – Мне в предстоящей жизни по лесам шариться не придется. В нашей жизни главное – это зарабатывать деньги и не отставать от жизни! Вот что толку от того, что Страус букашек разных собирает, в тычинки с пестиками заглядывает и знает про «бермудский треугольник»? Кому это нужно? Он же на дискотеке ни разу не был, в мужском разговоре за себя постоять не может. Не удивительно,

что у него до сих пор девчонки нормальной нет. Где он с ней познакомиться?! Да и какую его букашки-таракашки заинтересуют.

– На нынешний момент дискотеки не предвидятся, – отрезал Страус, – а букашки-таракашки могут еще и пригодиться.

– Кому?!

– Нам, – вставил Продиджи. – Знаешь, какая вкусная каша получается из тараканов и навозных жуков?

– Тьфу на тебя! – фыркнул Шнурок.

Вот наконец между деревьями заблестела вода большого озера. По счастью, за время путешествия не произошло никаких нежелательных встреч и неприятных происшествий: волки не выли, Наташины похитители не стреляли, на колбасу и прочее продовольствие не покушались. Правда сама Наташа делала все возможное и невозможное, чтобы отделаться от тяжелого рюкзака: роняла его, незаметно вытаскивала и выбрасывала содержимое. Продиджи внимательно контролировал это дитя современной цивилизации и пресекал такие попытки, а вскоре привязал рюкзак к Наташе таким образом, что она не могла его ни снять, ни облегчить.

– Да пошел! – возмущенно пискнула Наташа.

– Без писков и скулежа! – рявкнул на девочку Продиджи, а Шнурок отвесил ей очередной подзатыльник.

Обнаруженное ребятами озеро оказалось обширным и величественным. Противоположный берег виднелся вдали узкой серой полоской, подернутой утренней дымкой. В окрестностях Чумска такие большие и протяженные водоемы ребятам не встречались, поэтому они остановились на берегу, любясь великолепной картиной. Ветер шевелил заросли тростника и рогоза, чему обрадовался Страус. Корневища этих растений могли стать источником пищи.

Однако для начала нужно было найти безопасное место, не доступное недоброжелателям и хищным животным. Пройдя по краю леса, окружавшего озеро, ребята обратили внимание на вековой дуб, растущий метрах в сорока от воды и заметно возвышающийся над окрестными деревьями. Не дуб – великан, богатырь, лесной царь, так и просящийся на картины художников. Под такими дубами пировали лесные разбойники, собирались на вече дружины русских князей, или справляли свои таинственные обряды волхвы и друиды. В диаметре ствол дуба был никак не меньше пяти метров, а свои корявые ветви он вознес метров на тридцать.



– Вот, – Страус сделал изящный жест. – Чем не убежище.

– Вот-так-так, – обрадовался Продиджи. – Я уже чувствую себя Робинот Гудом. Ты Страус будешь Маленьким Джоном, а Шнурок сойдет за монаха Тука...

– И как ты себе это представляешь? – Шнурок неприязненно смотрел на дуб. Как современный цивилизованный человек, он с большим подозрением и презрением относился ко всему менее прочному, чем сталь или бетон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.